

И повсюду тлеют пожары

Автор:

[Селеста Инг](#)

И повсюду тлеют пожары

Селеста Инг

Летом в Шейкер-Хайтс только о том и говорили, что Изабелл, младшенькая Ричардсонов, все-таки спятила и спалила дом...

В Шейкер-Хайтс, спокойном и уважаемом городке, все тщательно спланировано – от уличных поворотов и цветников у домов до успешной жизни его обитателей. И никто не олицетворяет дух городка больше, чем миссис Ричардсон, идеальная мать и жена. Но однажды в этом царстве упорядоченной жизни появляется художница Мия Уоррен. У миссис Ричардсон – роскошный дом, жилище Мии – маленький “фольксваген-кролик”. У одной есть все, но живет она в клетке из правил. У другой нет ничего, но она свободна как ветер. И в то же время так ли уж далеки они друг от друга? У обеих – дети-подростки, в которых до поры до времени тлеют пожары, и однажды пламя с ревом вырвется и попытается поглотить все вокруг. Столкновение двух миров – порядка и хаоса – окажется сокрушительным для обеих, но одновременно и подарит новую надежду. Второй роман автора интеллектуального бестселлера “Все, чего я не сказала” – это захватывающая история двух семей, в которой много пластов, нет деления на черное и белое, нет деления на героев и антигероев. В книге сплетена сложная сеть – из нравственных принципов, чувств, амбиций, ошибок прошлого. Селеста Инг постоянно меняет ракурс, она подает историю с точки зрения всех участников драмы, и от этого возникает ощущение полного погружения в созданный ею мир, а от детективной непредсказуемости и триллерного темпа кружится голова.

Селеста Инг

И повсюду тлеют пожары

© 2017 by Celeste Ng

© Анастасия Грызунова, перевод с английского, 2018

© Андрей Бондаренко, оформление, 2018

© “Фантом Пресс”, издание, оформление, 2018

* * *

Тем, кто выбрал свою дорогу и в пути запалывает пожары

Вы покупаете участок под застройку в Школьном округе, большое поместье в пригороде или дом в одном из городских районов, представленный в ассортименте нашей компании? Вместе с покупкой вам предоставляются условия для занятий гольфом, верховой ездой, теннисом, греблей, непревзойденные школы, а также пожизненная гарантия от снижения стоимости вашего имущества и от нежеланных перемен.

Рекламное объявление “Компании «Ван Сверинген»”, создателей и застройщиков Шейкер-Виллидж

Но в сущности, если разобраться, жители Шейкер-Хайтс ничем не отличаются от прочих американцев. Да, у них по три или четыре автомобиля на семью вместо одного-двух, по два телевизора в доме вместо одного, а когда девушка из Шейкер-Хайтс выходит замуж, у нее, вероятно, прием на восемьсот персон и оркестр Мейера Дэвиса[1 - Оркестр американского дирижера Мейера Дэвиса (1895–1976) – американская франшиза популярных танцевальных оркестров, выступавших по всей стране на более или менее официальных и семейных мероприятиях, в крупных отелях и т. д. – Здесь и далее примеч. перев.

Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.] из Нью-Йорка, а не свадебный ужин на сто человек с местным оркестром, но все это – отличия количественные, а не качественные. “Мы – люди дружелюбные, и живется нам чудесно!” – недавно сказала одна дама в Загородном клубе Шейкер-Хайтс и была права: обитатели Утопии, похоже, и в самом деле живут довольно счастливо.

“Славная жизнь в Шейкер-Хайтс”, “Космополитен”, март 1963 г.

1

Летом в Шейкер-Хайтс только о том и говорили, что Изабелл, младшенькая Ричардсонов, все-таки спятила и спалила дом. Всю весну судачили о маленькой Мирабелл Маккалла – или о Мэй Лин Чжоу, кто за кого болеет, – а теперь наконец появилась новая дивная сенсация. В ту майскую субботу покупатели, катая тележки по “Хайненз”, вскоре после полудня услышали, как пожарные машины спросонок взвыли и помчались к утиному пруду. К пятнадцати минутам первого четыре машины корявой красной шеренгой выстроились вдоль Паркленд-драйв, где горели ясным пламенем все шесть спален дома Ричардсонов, и за полмили видно было, как над деревьями густо-черной грозовой тучей клубится дым. Позднее люди скажут: мол, уж сто лет как следовало догадаться, Иззи-то – малолетняя психичка, с Ричардсонами вообще не все гладко, а в то утро, едва завывли сирены, стало понятно сразу, что случилась ужасная беда. Само собой, Иззи к тому времени уже давно исчезла, защитить ее было некому, болтай что вздумается – и люди болтали. Но когда прибыли пожарные машины, да и потом, еще довольно долго, никто не понимал, что творится. Соседи толпились поближе к кустарному кордону – в нескольких сотнях ярдов от дома мостовую наискось перегородил патрульный автомобиль – и смотрели, как пожарные угрюмо, явно не надеясь на успех борьбы с огнем, разматывают шланги. Казарки в пруду через дорогу совали головы под воду в поисках водорослей – их эта катавасия ничуть не взволновала.

Миссис Ричардсон стояла на древесной полосе, тиская ворот бледно-голубого халата. Когда заверещали детекторы дыма, миссис Ричардсон еще спала, хотя времени было уже за полдень. Она поздно легла и нарочно решила не вставать: сказала себе, что после трудного дня она это заслужила. Вечером накануне она

посмотрела из окна наверху, как к дому наконец-то подъехала машина. Дорожка перед домом длинная и округлая – долгая дуга-подкова, от обочины до парадной двери и назад к обочине, – до улицы футов сто, слишком далеко, толком ничего не разглядишь, и вдобавок, хоть на дворе и май, к восьми вечера уже почти стемнело. Но миссис Ричардсон узнала сияющий фарами маленький бежевый “фольксваген” квартирантки Мии. Пассажирская дверца открылась и, не захлопнувшись, выпустила наружу худенькую фигурку – Пёрл, дочь Мии. Лампа залила салон светом, как витрину, но “фольксваген” до потолка был забит сумками и чемоданами, и миссис Ричардсон еле разглядела смутный абрис головы Мии с лохматым хохлом на макушке. Пёрл наклонилась к почтовому ящику, и миссис Ричардсон вообразила слабый взвизг – ящик открылся и закрылся вновь. Пёрл прыгнула в машину и хлопнула дверцей. Стоп-сигналы вспыхнули красным, погасли, и “фольксваген” запыхтел дальше, в сгущающуюся ночь. Вдыхая с облегчением, миссис Ричардсон сходила к почтовому ящику, где нашла ключи на кольце и не нашла записки. С утра она собиралась зайти в сдающийся дом на Уинслоу-роуд и проверить, хотя и так знала, что жильцы съехали.

Вот поэтому миссис Ричардсон и разрешила себе поспать, а теперь уже половина первого, и она в халате и кедах своего сына Трипа стоит на древесной полосе и смотрит, как ее дом сгорает дотла. Проснувшись от пронзительных воплей детекторов, она кинулась по комнатам искать Трипа, и Лекси, и Сплина. Сейчас она сообразила, что не искала Иззи, – будто знала, что это Иззи виновата. Все спальни пустовали – только пахло бензином и посреди кроватей потрескивали костерки, точно свихнувшаяся гёрлскаут разбивала там лагерь. К тому времени, когда миссис Ричардсон заглянула в салон, и в семейную гостиную, и в комнату отдыха, и в кухню, по дому уже пополз дым, и тогда она выскочила наружу, где и услышала, как на зов домашней сигнализации мчатся пожарные сирены. На дорожке не было ни Трипова джипа, ни “эксплорера” Лекси, ни велосипеда Сплина, ни, конечно, седана ее мужа. Тот субботними утрами обычно уезжал в офис – наверстать недоделанное. Кто-то должен позвонить ему на работу. Тут миссис Ричардсон вспомнила, что Лекси, слава богу, ночевала у Сирины Вон. Интересно, куда подевалась Иззи. Интересно, где сыновья. Как их найти, как рассказать, что случилось.

* * *

Когда пожар потушили, оказалось, что дом, вопреки опасениям миссис Ричардсон, сгорел не вполне дотла. Оконные стекла повывлетали, но влажная и

почерневшая кирпичная скорлупа стояла, исходя паром, и сохранилась почти вся крыша – свежеемытая темная черепица поблескивала, точно рыба чешуя. Еще несколько дней Ричардсонов в дом не пустят – сначала пожарные инспекторы проверят все уцелевшие балки, – но даже с древесной полосы (ближе не пройдешь из-за желтой ленты с надписью “ОСТОРОЖНО”) было видно, что спасать в доме особо нечего.

– Господи боже, – сказала Лекси.

Она припарковала машину через дорогу от дома, на травянистом берегу утиног пруда, и сидела на крыше. В начале первого Лекси и Сирина еще спали, свернувшись калачиком спина к спине в широченной Сириной постели, и тут доктор Вон потрясла Лекси за плечо и зашептала: “Лекси. Лекси, милая. Просыпайся. Твоя мама звонила”. Обе уснули в третьем часу ночи, болтали – как и всю весну – о маленькой Мирабелл Маккалла, спорили, правильно ли решил судья, стоило ли отдать ее под опеку новым родителям или вернуть родной матери. “Да блин, ее и зовут-то даже не Мирабелл Маккалла”, – в конце концов сказала Сирина, и после обе сердито, тревожно молчали, пока не заснули.

А теперь Лекси смотрела, как дымные клубы выплывают из окна ее спальни – фасадного, над древесной полосой, – и думала о том, что утрачено. Все футболки в комод, все джинсы в гардеробе. Все записки, которые Сирина писала ей с шестого класса, по-прежнему свернутые в бумажные мячики, – Лекси хранила их в обувной коробке под кроватью; и сама кровать, и простыни, и одеяло тоже погибли. Розовый букетик, который подарил ей на осенний бал Брайан, – букетик сох на туалетном столике, рубиновые лепестки потемнели запекшейся кровью. А теперь остался только пепел. Лекси – в сменной одежде, которую брала к Сириной, – вдруг сообразила, что ей повезло больше всех: на заднем сиденье у нее сумка, джинсы, зубная щетка. Пижама. Лекси глянула на братьев, на мать в халате. “У них же нет буквально ничего – только то, что на них”, – подумала она. “Буквально” – одно из любимых слов Лекси, и она прибегала к нему, даже когда ситуация была решительно небуквальна. Сейчас, в кои-то веки, оно было плюс-минус уместно.

Рядом Трип пальцами отрешенно расчесал волосы. Солнце уже взобралось высоко, и пропотевшие кудри Трипа ухарски встали дыбом. Когда завывали пожарные сирены, Трип играл в баскетбол в общественном центре и ничего такого не заподозрил. (Нынче утром он был особенно задумчив, но, если честно, скорее всего, ничего не заметил бы по-любому.) В час дня, когда все

проголодались и решили свернуть игру, Трип поехал домой. Верный себе, он даже с опущенными стеклами не разглядел, что впереди клубится громадная дымная туча, и догадался, что дело дрянь, лишь увидев патрульную машину поперек улицы. Десять минут он объяснялся с полицейскими, после чего ему наконец разрешили припарковать джип напротив дома, там, где уже устроились Сплин и Лекси. Все трое сидели на крыше, по порядку, как на семейных портретах, что некогда висели на лестнице, а теперь стали золотом. Лекси, Трип, Сплин: двенадцатый класс, одиннадцатый, десятый. Подле себя они чуяли дыру на месте девятиклассницы Иззи – темной лошадки, паршивой овцы, – хотя пока еще не сомневались, что дыра эта временна.

– Она совсем с дуба рухнула? – буркнул Сплин, а Лекси ответила:

– Да она сама понимает, что перегнула палку, потому и сбежала. Когда вернется, мама ее убьет.

– А где мы будем жить? – спросил Трип.

Распустилась пауза – все обдумывали положение.

– Номер в гостинице, наверное, снимем, – наконец сказала Лекси. – Родители Джоша Трэммела, по-моему, в гостинице жили.

Известная история: несколько лет назад Джош Трэммел из десятого класса уснул, не потушив свечу, и сжег родительский дом. По школе ходили упорные слухи, что это была вовсе никакая не свеча, а косяк, но дом сгорел дотла, уже не узнаешь, а Джош от свечной версии не отступался. По сей день все называли его “этот дебильный качок, который поджег дом”, хотя с тех пор прошла целая вечность, а Джош недавно закончил Университет Огайо с отличием. Теперь-то, конечно, пожар у Джоша Трэммела лишится пальмы первенства в забеге знаменитых пожаров Шейкер-Хайтс.

– Один номер? На всех?

– Ну два номера. Без разницы. Или “Посольские апартаменты”. Не знаю. – Лекси побарабанила пальцами по коленке. Хотелось сигарету, но после такого – да еще на виду у матери и десятка пожарных – закурить боязно. – Мама с папой разберутся. А страховка все покроет.

В страховках она мало что понимала, но вроде похоже на правду. И вообще, это взрослые дела – дети тут ни при чем.

Последние пожарные выходили из дома, стаскивая противогазы. Дым почти рассеялся, но все заволокла влажная духота, как в ванной после долгого горячего душа. Крыша машины нагрелась, и Трип вытянул ноги по ветровому стеклу, носком вьетнамки потрогал дворники. И засмеялся.

– Что смешного? – спросила Лекси.

– Да представил, как Иззи бегают по дому и спичками чиркают. – И он фыркнул. – Во психованная.

Сплин провел пальцем по багажнику.

– А чего все так уверены, что это она?

– Да ладно тебе. – Трип прыгнул на землю. – Конечно, Иззи. И мы же все здесь. Мама здесь. Папа едет. Кого не хватает?

– Ну, Иззи нету. И что – поэтому непременно она несет ответственность?

– Ответственность? – встряла Лекси. – Иззи?

– Папа был на работе, – сказал Трип. – Лекси – у Сирины. Я в Сассексе, в баскетбол играл. Ты?

Сплин замялся.

– Я на велике в библиотеку ездил.

– Ну вот видишь? – Разгадка очевидна, считал Трип. – Здесь были только Иззи и мама. И мама спала.

– Может, проводку закоротило. Или плиту не выключили.

– Пожарные сказали, что повсюду горели костры, – возразила Лекси. – Множественные источники возгорания. Не исключено использование горючих веществ. Не случайность.

– Она всегда была чокнутая, всем же понятно. – Трип спиной привалился к дверце.

– Ты вечно к ней цепляешься, – ответил Сплин. – Может, она потому и ведет себя как чокнутая.

Пожарные машины уже втягивали в себя шланги. Трое младших Ричардсонов посмотрели, как пожарные откладывают топоры и снимают закопченные желтые куртки.

– Надо кому-нибудь с мамой побыть, – сказала Лекси, но никто не двинулся с места.

Спустя минуту Трип заметил:

– Мама с папой запрут Иззи в психушку на всю жизнь, когда найдут.

Об отъезде Мии и Пёрл из дома на Уинслоу-роуд никто и не вспомнил. Глядя, как капитан пожарной команды аккуратно делает пометки на планшете, миссис Ричардсон забыла о бывших жильцах напрочь. Мужу и детям она еще не сказала; Сплин обнаружил их отъезд лишь сегодня поутру и пока не знал, что и думать. Вдалеке на Паркленд-драйв показалась голубенькая точка – отцовский БМВ.

– С чего ты взял, что ее найдут? – спросил Сплин.

2

Год назад, в июне, когда Мия и Пёрл поселились в съемном домике на Уинслоу-роуд, ни миссис Ричардсон (формальная владелица дома), ни мистер Ричардсон (который отдавал ключи) про новых жильцов толком и не задумывались. Знали,

что мистера Уоррена нет в природе, что Мие, судя по мичиганским водительским правам, которые она предъявила, тридцать шесть лет. Оба отметили, что кольца на безымянном пальце она не носит, зато носит много других колец: крупный аметист на указательном, колечко из черенка серебряной ложки на мизинце и еще одно на большом, в котором миссис Ричардсон заподозрила кольцо настроения. Но Мия была вроде ничего, и дочь ее Пёрл тоже – тихая пятнадцатилетняя девочка с длинной темной косой. Мия уплатила за первый и последний месяцы и залог пачкой двадцатидолларовых купюр, и бежевый “фольксваген-кролик” – уже тогда весьма помятый – попыхтел по Паркленд-драйв к югу Шейкер-Хайтс, где застройка теснее, а дворы поменьше.

Уинслоу-роуд – сплошная череда двухквартирников, но с тротуара этого и не разглядишь. С улицы видно только парадную дверь (одна штука), фонарь над парадной дверью (одна штука), почтовый ящик (одна штука), номер дома (тоже одна штука). Можно, пожалуй, засечь два электросчетчика, но они – по муниципальному указу – прячутся на задах вместе с гаражом. И только из прихожей открываются две внутренние двери – в верхнюю квартиру и в нижнюю – и вход в общий подвал. В домах на Уинслоу-роуд жило по две семьи, но дома прикидывались, будто семья у них внутри одна. Так спроектировали нарочно. Так жильцы не несли на себе клейма обитателей двухквартирных домов (то есть съемщиков, а не домовладельцев), а градостроители сохраняли облик улицы: всем известно, что районы со съемным жильем менее привлекательны.

И так в Шейкер-Хайтс всё. Здесь были правила, куча правил, что можно, что нельзя, и Мия с Пёрл, поселившись в новом доме, взялись их учить. Научились писать свой новый адрес: Уинслоу-роуд, 18434, Верх – прибавлять это последнее слово, чтобы почта попадала к ним, а не вниз к мистеру Яну. Узнали, что полоска травы между тротуаром и улицей называется древесной полосой – потому что осенена молодым остролистным кленом, по одному деревцу на дом, – и что мусор по пятницам надо не выволакивать на улицу, а оставлять на задах, дабы избавить город от неприглядного зрелища помойных баков на тротуаре. Люди в оранжевых комбинезонах носились по дорожкам на крупных мотороллерах, укромно собирали мусор по задним дворам и отвозили к большому мусоровозу, урчавшему на улице, и Мия на много месяцев запомнит свою первую пятницу на Уинслоу-роуд – как она перепугалась, когда под окном кухни, точно пылающий гольфмобиль на полных оборотах, с ревом промчался мотороллер. Со временем Мия и Пёрл привыкли, как привыкли к отдельному гаражу – в глубине двора, тоже ради красоты улицы, – и не забывали брать зонтик, чтобы не мокнуть, в дождливые дни перебегая от машины к дому. Позже, когда мистер Ян на две

недели в июле уехал к матери в Гонконг, Мия и Пёрл узнали, что некошенный газон вызывает вежливое, но суровое письмо из муниципалитета: уведомление о том, что трава стала выше шести дюймов и, если положение не исправится, муниципалитет через три дня выкосит ее сам – и возьмет с жильцов сотню долларов. Пришлось учить очень много правил.

А были и другие правила, о которых Мия и Пёрл догадаются отнюдь не сразу. К примеру, в какой цвет полагается красить дома. В помощь жителям муниципалитет составил табличку, все дома классифицировал – тюдоровские, английские, французские – и расписал архитекторам и домовладельцам приемлемую гамму. Ради эстетической гармонии на каждой улице дома “английского стиля” дозволялось красить только в аспидно-голубой, мшисто-зеленый или один конкретный тон бежевого; тюдоровские дома требовали особого оттенка кремового на штукатурке и особого оттенка темно-коричневого на древесине. В Шейкер-Хайтс было спланировано всё. В 1912 году, когда закладывали город – одно из первых плановых поселений в стране, – школы расположили так, чтобы все дети добирались туда, не переходя крупных улиц, переулки впадали в широкие проспекты, а в стратегических местах расположили остановки скоростного транспорта, доставлявшего пассажиров в центр Кливленда. Более того, девиз города – буквально, как сказала бы Лекси, – гласил: “Большинство сообществ складываются; лучшие – планируются”; согласно философии, на которой зиждилось это сообщество, все может – и должно – быть спланировано во избежание невзрачностей, неприятностей и катастроф.

Но в первые недели город выказывал и другие знаки – знаки гостеприимства. В перерывах между уборкой, и покраской, и распаковкой Мия и Пёрл выучили имена окрестных улиц: Уинчелл, Латимор, Линнфилд. Освоили маршрут внутри местного продуктового “Хайненз”, где, говорила Мия, с покупателями носятся, как с аристократами. Здесь не нужно было выкатывать тележку на стоянку: носильщик в отглаженной поплиновой рубашке вешал на тележку номерок, а другой номерок, красно-белый, отдавал тебе. Цепляешь номерок на окно машины и подгоняешь ее ко входу в магазин, где другой носильщик выкатит тележку, опрятно уложит покупки в багажник и откажется от чаевых.

Они узнали, где всего дешевле бензин – на углу Ломонд и Ли-роуд всегда на цент меньше, чем на остальных бензоколонках, – где находятся аптеки и в каких дают двойные бонусы. Узнали, что в соседних Кливленд-Хайтс, и Уорренсвилле, и Бичвуде жители выставляют ненужное на тротуар, как простые смертные, и

выяснили, где по каким дням вывозят мусор. Узнали, где купить молоток, и отвертку, и кварту краски, и кисть – все продается в хозяйственном магазине “Шейкер”, но только с половины десятого до шести вечера, а в шесть владелец отправляет сотрудников по домам ужинать.

А Пёрл совершила открытие: она открыла семейство Ричардсон – домовладельцев и их детей.

Первым домик на Уинслоу освоил Сплин. Он услышал, как мать описывает отцу новых жильцов.

– Она какая-то художница, – сказала миссис Ричардсон, а когда мистер Ричардсон спросил, какая же, пошутила: – Бедствующая.

– Да ладно, нормально, – утешил ее муж. – Она мне сразу внесла весь залог.

– Это не значит, что она будет платить за аренду, – возразила миссис Ричардсон, но оба понимали, что дело не в аренде – всего триста долларов в месяц за второй этаж, без этих денег они бы уж точно обошлись.

Мистер Ричардсон был адвокатом, миссис Ричардсон работала в местной газете “Сан-пресс”. Дом на Уинслоу – у них в необремененной собственности; родители миссис Ричардсон вложили в него деньги, когда она еще была школьницей. Аренда помогла ей отучиться в колледже Денисон и стала ежемесячным “подспорьем” – как выражалась мать, – когда миссис Ричардсон только начала работать репортером. Затем, когда она вышла за Билла Ричардсона и стала, собственно, миссис Ричардсон, эти деньги помогли внести первый платеж за их прекрасный собственный дом – тот самый дом на Паркленд, что впоследствии сгорит у миссис Ричардсон на глазах. Когда ее родители умерли – пять лет назад, с разницей в несколько месяцев, – она унаследовала дом на Уинслоу. Под конец родители переехали в дом престарелых, и жилище, где выросла миссис Ричардсон, продали. А дом на Уинслоу оставили, плата за аренду перечислялась на уход, и впоследствии миссис Ричардсон тоже его сохранила – из сентиментальных соображений.

Нет, дело не в деньгах. Плата за аренду – все пятьсот долларов за обе квартиры – ежемесячно вносилась в отпускной фонд Ричардсонов, и в прошлом году семья на эти деньги съездила на Мартас-Винъярд, где Лекси отточила

плавание на спине, а Трип заморозил всех местных девиц, а Сплин сгорел на солнце до хрусткой облезавшей корочки, а Иззи, когда ее наконец уломали, согласилась сходить на пляж – в одежде, в “док-мартенсах” и злобно пылая глазами. Но если по правде, на отпуск хватило бы с лихвой и без аренды. И поскольку эти деньги не были нужны, миссис Ричардсон было важно, кто живет на Уинслоу. Приятно думать, что дом используется на доброе дело. Родители привили миссис Ричардсон привычку делать добро; каждый год жертвовали деньги в Общество защиты животных и ЮНИСЕФ, всегда посещали местные благотворительные приемы, а однажды выиграли трехфутового плюшевого медведя на закрытом аукционе “Ротари-клуба”. Миссис Ричардсон почитала дом своего рода благотворительностью. Аренду не повышала – в Кливленде недвижимость дешева, а вот квартиры в хороших районах, в Шейкер-Хайтс например, дороговаты – и сдавала только тем, кто, по ее мнению, заслужил, но по той или иной причине не получил в жизни шанс. Приятно восполнять эту недостачу.

Унаследовав дом, первым она поселила туда мистера Яна; он иммигрировал из Гонконга в Соединенные Штаты, никого тут не зная, и говорил на очень фрагментарном английском с густым акцентом. С годами акцент почти не сгладился, и, беседуя с мистером Яном, миссис Ричардсон порой переходила на кивки и улыбки. Однако она чувствовала, что мистер Ян – хороший человек; он работал не покладая рук, рулил школьным автобусом соседней “Академии Лорел”, частной школы для девочек, и еще трудился разнорабочим. Жил он один на скудные доходы и ни за что не смог бы себе позволить такой приятный район. Очутился бы в серости тесной квартирке где-нибудь вблизи от Бакай-роуд, а еще вероятнее – в неприветливом треугольнике Восточного Кливленда, сходявшем за городской Чайна-таун, где жилье подозрительно дешево, каждое второе здание заброшено и минимум раз за ночь воют сирены. Вдобавок мистер Ян содержал дом в безукоризненном порядке: чинил протекшие краны, латал бетон перед фасадом и уговорил задний двор размером с почтовую марку расцвести роскошным садом. Каждое лето мистер Ян привозил миссис Ричардсон собственноручно выращенные зимние тыквы – свою десятину, – и миссис Ричардсон, хотя и не постигала, что с ними делать (они зеленые, морщинистые и мохнатые, брр), ценила такую заботу. Мистер Ян – безупречный жилец: добрый человек, миссис Ричардсон может выказать ему доброту, и он эту доброту оценит.

Но вот с верхней квартирой не задалось. Жильцы сменялись примерно раз в год: виолончелист, только что нанятый преподавать в Институте музыки; разведенка за сорок; молодожены едва-едва из Кливлендского университета. Все они

заслуживали небольшого подспорья – так миссис Ричардсон это трактовала. Но никто не задерживался надолго. Виолончелисту отказали в должности первой виолончели Кливлендского оркестра, и он уехал из города, окутанный грозовой тучей злобы. Разведенка вновь вышла замуж после бурного четырехмесячного романа и переехала к новому супругу в новый шикарный дом-конструктор в Лейквуде. А молодожены – вроде бы такие искренние, такие верные и влюбленные – непоправимо рассорились и разбежались спустя жалких полтора года, оставив по себе преждевременно прекращенный договор, осколки ваз и три трещины в стене на высоте человеческого роста, где эти вазы разлетелись на куски.

Это мне урок, решила миссис Ричардсон. На сей раз буду осмотрительнее. Она попросила мистера Яна заделать штукатурку и не спешила с поисками нового жильца – правильного жильца. Уинслоу-роуд, 18434, Верх, пустовал почти полгода, и тут возникли Мия Уоррен с дочерью. Мать-одиночка, вежливая, с художественными наклонностями, растит дочь – воспитанную, довольно красивую и, возможно, гениальную.

– Я слышала, школы в Шейкер-Хайтс – лучшие в Кливленде, – ответила Мия, когда миссис Ричардсон спросила, почему они приехали сюда. – Пёрл уже учится на уровне колледжа. Но частную школу я не осилю.

Она глянула на дочь – та тихонько стояла в пустой гостиной, сцепив руки перед собой, – и Пёрл застенчиво улыбнулась. Это переглядывание матери и ребенка уловило сердце миссис Ричардсон, словно бабочку сачок. Миссис Ричардсон заверила Мию, что да, школы в Шейкер-Хайтс прекрасные, Пёрл сможет записаться на углубленные программы по всем предметам; тут есть научные лаборатории, и планетарий, и учат пять языков.

– Замечательная театральная программа, если ей такое интересно, – прибавила миссис Ричардсон. – Моя дочь Лекси в том году играла Елену в “Сне в летнюю ночь”.

Она процитировала девиз местных школ: “Мера сообщества – его школы”. Налог на недвижимость в Шейкер-Хайтс рекордно высок, но жителям окупается сторицей.

– Впрочем, вы же снимаете – вам и рыбку съесть, и в пруд не лезть, – рассмеялась миссис Ричардсон.

Она протянула Мие заявку, но про себя уже все решила. С невероятным удовольствием она воображала, как здесь поселятся эта женщина и ее дочь, как Пёрл станет делать уроки за кухонным столом, а Мия, наверное, – трудиться над полотном или скульптурой – она не сказала, в какой технике работает, – на закрытой террасе над задним двором.

Сплин послушал, как мать живописует новых съемщиков, и заинтриговала его не столько художница, сколько “гениальная” дочь, его сверстница. Спустя несколько дней после переезда новых жильцов любопытство доконало Сплина. Как обычно, он оседлал велосипед – старый “швинн” с фиксированной передачей, еще отцовский, из Индианы. В Шейкер-Хайтс никто не ездил на велосипедах, да и на автобусах – тут либо водишь сам, либо тебя возят: город строили для машин и для людей на машинах. Сплин ездил на велосипеде. Шестнадцать ему исполнится только будущей весной, и он старался по возможности не напрашиваться в машину к Лекси или Трипу.

Сплин брыкнул ногой и покатыл по изгибу Паркленд-драйв, мимо утинового пруда, где он в жизни не видал ни одной утки, только стаи крупных и наглых канадских казарок; поперек проспекта Ван Эйка; через трамвайные пути и на Уинслоу-роуд. Он туда заезжал нечасто – детям-то что делать в арендном доме? – но знал, где это. В детстве Сплину пару раз доводилось сидеть в урчащей машине на дорожке, смотреть на персиковое дерево во дворе и крутить ручку, перебирая радиостанции, пока мать забегала в дом что-нибудь занести или проверить. Такое случалось редко; в основном дом жил сам по себе – разве что мать подыскивала новых съемщиков. Сейчас, подпрыгивая колесами на стыках крупных известняковых плит тротуара, Сплин сообразил, что никогда не бывал внутри. Из детей там, кажется, никто не бывал.

На газоне перед домом Пёрл вдумчиво раскладывала детали деревянной кровати. Сплин, подкатив и затормозив через дорогу, увидел худую девочку в длинной жатой юбке и мешковатой футболке с надписью, которую он не смог прочесть. Волосы у девочки были длинные и кудрявые, свисали по спине толстой косой и будто рвались на свободу. Изголовье девочка положила возле клумб, опоясывающих дом, дальше бортики, а рейки по бокам, аккуратными рядками, точно ребра. словно кровать вдохнула поглубже и грациозно распласталась по траве. Сплин, отчасти прячась за деревом, смотрел, как девочка пробралась к

“фольксвагену”, стоявшему на дорожке с распахнутыми дверями, и с заднего сиденья выволокла изножье. Это в какой же “Тетрис” им пришлось сыграть, чтоб запихнуть столько всего в такую крошечную машинку? Босыми ногами девочка прошагала по газону и уложила изножье на место. А затем, к смятению Сплина, ступила в пустой прямоугольник в центре, где полагалось быть матрасу, и хлопнулась на спину.

На втором этаже загрохотало окно и высунулась голова Мии.

- Всё на месте?

- Двух реек не хватает, - отозвалась Пёрл.

- Доберем. Нет, погоди, не шевелись. Замри.

Голова исчезла. А спустя секунду Мия появилась вновь с фотоаппаратом - настоящим фотоаппаратом, с толстенным объективом, похожим на большую консервную банку. Пёрл замерла, глядя в небо с облаками, а Мия высунулась почти до пояса, выискивая ракурс. Сплин затаил дыхание - а вдруг камера выскользнет из рук, прямо в доверчиво запрокинутое девочкино лицо, а вдруг мать кувырнется из окна и рухнет на траву? Ничего такого не случилось. Мия наклонила голову так, потом эдак - кадрировала сцену в видоискателе. Лицо пряталось за фотоаппаратом - спряталось все, кроме волос, стянутых на макушке пушистой воронкой, темным гало. Позже, увидев фотографии, Сплин поначалу решит, что Пёрл на них похожа на хрупкую окаменелость, тысячелетиями запертую в скелете брюха доисторического зверя. А потом - что на ангела, который прилег отдохнуть, раскидав крылья. А потом, спустя еще миг, - что просто на девушку, которая уснула в мягкой зеленой постели, ждет, когда подле нее ляжет любимый.

- Все, - окликнула Мия. - Готово.

И снова исчезла в доме, а Пёрл села и посмотрела через улицу, прямо на Сплина, и сердце у него екнуло.

- Хочешь помочь? - спросила она. - Или так и будешь стоять?

Сплин не запомнит, как перешел дорогу, как поставил велик на дорожке, как представился. Поэтому Сплину будет казаться, что он всегда знал ее имя, а она всегда знала по имени его, что он и Пёрл знали друг друга всегда.

Вместе они частями заволокли кровать по узкой лестнице. Гостиная пустовала – только штабель коробок в углу и большая красная подушка в центре.

– Сюда. – Пёрл слегка подкинула груды реек, ухватила поудобнее и провела Сплина в ту спальню, что побольше, – там не было ничего, только поблекший, но чистый двуспальный матрас прислонился к стене.

– Держи, – сказала Мия и поставила к ногам Пёрл стальной ящик с инструментами. – Тебе пригодится. – Сплину она улыбнулась, точно старому другу. – Понадобятся еще руки – зови. – А затем вышла в коридор, и спустя миг они услышали, как она вспорола клейкую ленту на коробке.

Инструментами Пёрл орудовала мастерски – приставляла бортики к изголовью, подпирала щиколоткой, привинчивала на место. Сплин сидел у открытого ящика с инструментами и наблюдал с растущим благоговением. У него в семье мать вызывала ремонтника, если что-то ломалось – плита, стиральная машина, мусороизмельчитель, – а почти все остальное выбрасывалось и заменялось. Раз в три-четыре года – или когда проседали пружины – мать выбирала новый гарнитур для салона, старый переезжал в подвальную комнату отдыха, а старый-старый гарнитур из комнаты отдыха – в детский приют для мальчиков в Уэст-Сайде или в женский приют в центре. Отец не возился с машиной в гараже; если под капотом что-то гремело или визжало, отец отгонял машину в “Здоровенный ключ”, где вот уже двадцать лет все машины Ричардсонов чинил Лютер. Сам Сплин держал в руках инструменты лишь однажды – на труде в восьмом классе: их разделили на группы, одна обмеряла, другая пилила, третья шкурила, и в конце семестра все старательно свинтили детали – получилась такая коробочка, раздатчик конфет, из которого, если дернуть за ручку, выпадали три штуки “скитлз”. Годом раньше Трип смастерил такую же, а годом раньше Трипа такую же смастерила Лекси, а спустя еще год – Иззи, и хотя все провели в мастерской по семестру, а в доме где-то валялись четыре одинаковых раздатчика драже, Сплин подозревал, что члены семейства Ричардсон способны разве что применить к делу отвертку “Филипс”.

– Ты где этому научилась? – спросил он, протягивая Пёрл очередную рейку.

Пёрл пожала плечами.

- У мамы, - сказала она, одной рукой прижав рейку, а другой выудив отвертку из груды инструментов на ковролине.

В собранном виде кровать оказалась односпальной и старомодной, с шишечками, в самый раз для Златовласки.

- Где вы ее взяли? - Сплин уложил матрас, сел и попрыгал для пробы.

Пёрл убрала отвертку в ящик и заперла его на защелку.

- Нашли.

Она тоже села на кровать, спиной привалившись к изножью, вытянула ноги и уставилась в потолок, словно проверяла, каково ей тут будет. Сплин сидел у изголовья, у нее в ногах. На пальцы Пёрл, и на щиколотки, и на подол налипли завитки травинок. Пахло от нее свежим воздухом и мятным шампунем.

- Это моя комната, - внезапно произнесла она, и Сплин вскочил.

- Извини, - сказал он, и щеки у него жарко вспыхнули.

Пёрл подняла глаза - кажется, на миг она про него позабыла.

- Ой, - сказала она. - Я не о том.

Она вынула травинку, застрявшую между пальцами, и щелчком отправила на пол, и оба посмотрели, как травинка опустилась на ковролин. Когда Пёрл снова заговорила, голос ее наполнился изумлением:

- У меня раньше никогда не было своей комнаты. Сплин повертел ее слова в голове.

- В смысле, ты всегда жила с кем-нибудь?

Он попытался вообразить мир, где такое бывает. Вообразить, как делит комнату с Трипом, который швыряет на пол грязные носки и спортивные журналы, а придя домой, первым делом включает радио – и непременно “Джеммин 92,3”, – словно без пульсации этого тупого баса у него остановится сердце. В отпусках Ричардсоны всегда снимали три номера – в одном родители, в другом Лекси с Иззи, в третьем Сплин и Трип, – и за завтраком Трип смеялся над Сплином, потому что порой тот разговаривал во сне. Чтобы Пёрл и мать жили в одной комнате... Даже не верится, что люди бывают так бедны.

Пёрл покачала головой.

– У нас раньше никогда не было своего дома, – пояснила она, и Сплин проглотил замечание о том, что это не дом, это лишь полдома. Пёрл пальцем вела по вмятинам на матрасе, обводила пуговицы в каждой ямке.

Наблюдая за ней, Сплин не видел всего, что она вспоминала: капризную печку в Урбане, которая разжигалась спичками; пятый этаж без лифта в Миддлбери, и заросший сорняками сад в Окале, и закоптелую квартиру в Манси, где предыдущий жилец выпускал своего кролика погулять в гостиной, о чем свидетельствовали прогрызенные дыры и несколько сомнительных пятен. И субаренду в Анн-Арборе, уже много лет назад, откуда Пёрл больше всего не хотелось уезжать, потому что у жильцов там была дочь всего годом-другим старше Пёрл, и все полгода, что они с матерью там провели, Пёрл каждый день играла с коллекцией лошадок этой везучей девочки, и сидела в ее детском креслице, и ложилась спать в ее крахмальную постель под балдахином, а порой среди ночи, когда мать спала, Пёрл включала лампу у кровати и открывала гардероб этой девочки и примеряла ее платья и туфли, хотя они и были ей чуточку велики. По всему дому стояли девочкины фотографии – на каминной полке, на приставных столиках в гостиной и большой красивый студийный портрет на лестнице, девочка опиралась подбородком на руку, – и легче легкого было притвориться, что этот дом ее, Пёрл, и вещи ее, и комната, и жизнь. Когда жильцы с девочкой вернулись из долгого отпуска, Пёрл не могла смотреть на эту девочку, загорелую, жилистую и выросшую из своих платьев в гардеробе. Пёрл плакала всю дорогу до Лафайетта, где они с матерью останутся еще на восемь месяцев, и даже вставшая на дыбы фарфоровая пегая лошадь, которую Пёрл слямзила из девочкиной коллекции, не приносила утешения: Пёрл ждала и нервничала, но никаких жалоб о потере лошади не поступило, а что ж за радость красть, если человек так богат и даже не заметил пропажи? Мать, видимо, все поняла, потому что больше они субаренду не брали. И Пёрл не

огорчалась, зная теперь, что лучше пустая квартира, чем квартира, набитая чужими вещами.

- Мы часто переезжаем. Каждый раз, когда маме приспичит.

Она посмотрела на Сплина - чуть не прожгла его взглядом, - и он увидел, что глаза у нее не ореховые, как он поначалу решил, а темно-зеленые, нефритовые. И тогда Сплин вдруг ясно постиг, что уже произошло этим утром: жизнь его разделилась на "до" и "после", и он вечно будет их сравнивать.

- А завтра ты что делаешь? - спросил он.

3

Следующие несколько недель Сплина превратились в череду сплошных завтра. Пёрл и Сплин ходили в Фернуэй, его прежнюю начальную школу, - лазили на горку, и карабкались на шест, и с висячей лестницы прыгали в опилки. Сплин водил Пёрл в "Дрейгерз" и кормил мороженым с горячим шоколадом. На озере Подкова они лазили по деревьям, как мелкота, и кидали черствый хлеб уткам, качавшимся на воде. В местной закусочной "Искренне ваши" они сидели в деревянной кабинке за высокими спинками кресел и ели картошку фри под сыром с беконом и кормили музыкальный автомат четвертаками, чтоб он играл им "Огненные шары" и "Эй, Джуд"[2 - "Огненные шары" (Great Balls of Fire, 1957) - песня Отиса Блэкуэлла и Джека Хэммера, впервые записанная Джерри Ли Льюисом в 1957 г., классическая рок-н-ролльная композиция. "Эй, Джуд" (Hey Jude, 1968) - баллада The Beatles, написанная Полом Маккартни (формально - Джоном Ленноном и Полом Маккартни).].

- Своди меня к шейкерам, - как-то раз предложила Пёрл, и Сплин рассмеялся.

- В Шейкер-Хайтс нет никаких шейкеров, - ответил он. - Все повымерли. Не верили в секс. Просто город в их честь назвали.

Сплин был отчасти прав, хотя ни он, ни большинство местных детей историю города почти не знали. Шейкеры и впрямь ушли задолго до того, как на этой

земле вырос Шейкер-Хайтс, и к лету 1997 года во всем мире их осталось ровно двенадцать. Но Шейкер-Хайтс основали пусть и не на принципах шейкеров, однако с тем же порывом к утопии. Ключ к гармонии, считали шейкеры, кроется в порядке – и правилах, прародителях порядка. Правила у шейкеров имелись на любой случай: когда вставать по утрам, какого цвета шторы, какой длины мужские волосы, как складывать руки при молитве (правый большой палец поверх левого). Если спланировать все до последней детали, верили шейкеры, можно создать кусочек рая на земле, маленькое убежище от мира, и основатели Шейкер-Хайтс разделяли этот подход. В рекламе они изображали свой город в облаках – он взирал вниз, на чумазый Кливленд, с горней вершины на конце радуги. Совершенство – такова была их цель, и, быть может, шейкеры до того рьяно вкладывали в совершенство душу, что оно просочилось в почву, напитало всех, кто здесь рос, пристрастием к перевыполнению планов и острой нетерпимостью к изъянам. В Шейкер-Хайтс даже подростки – чье столкновение с шейкерами ограничивалось в основном пением “Простых даров” [3 - “Простые дары” (Simple Gifts, 1848) – религиозный гимн, написанный старейшиной шейкеров Джозефом Брэкеттом.] на уроках музыки – из воздуха улавливали это стремление к совершенству.

Пёрл мало-помалу узнавала свой новый город, а Сплин мало-помалу узнавал искусство Мии, а также чудеса и превратности финансового положения семейства Уоррен.

Сплин о деньгах особо не задумывался – не было нужды. Щелкнешь выключателем – вспыхнет свет; повернешь кран – потечет вода. Продукты регулярно возникали в холодильнике, а затем готовыми блюдами появлялись на столе, когда наставала пора поесть. Сплин получал карманные деньги с десяти лет – первоначальные пять долларов в неделю неуклонно росли вместе с инфляцией и дозрели до нынешней двадцатки. Этих денег, да еще деньрожденных открыток от тетушек и прочей родни, где непременно лежала свернутая купюра, хватало на подержанную книжку из лавки “Книги Никки”, временами на CD или новые гитарные струны – что требовалось, на то и хватало.

Мия и Пёрл все, что можно, покупали подержанным – а еще лучше, добывали бесплатно. За считанные недели они выяснили, где в Кливленде и окрестностях находятся все до единой лавки Армии спасения, “Викентия де Поля” и “Гудвилла”. Вскоре по прибытии Мия устроилась на работу в местном китайском ресторане “Дворец удачи”: несколько раз в неделю, днем и вечерами, за прилавком принимала и паковала заказы навывнос. Вскоре выяснилось, что для

походов по ресторанам в Шейкер-Хайтс предпочитают “Жемчуг Востока” всего в нескольких кварталах поодаль, зато во “Дворце удачи” заказы навывнос шли нарасхват. Вдобавок к почасовой ставке официанты отдавали Мие долю чаевых, а когда оставалась лишняя еда, Мия носила ее домой в контейнерах – чуть залежавшийся рис, остатки кисло-сладкой свинины, овощи, чей час расцвета едва-едва миновал, – и на этом они с Пёрл жили почти всю неделю. Денег у них было в обрез, но об этом так сразу и не догадаешься: Мия умела приспособить что угодно к чему угодно. Сегодня вечером ло-мейн без соуса поливали рагу из банки, завтра дополняли говядиной с апельсинами и разогревали вновь. Старые простыни из благотворительной лавки, по четвертаку штука, превращались в занавески, скатерть, наволочки. Сплин вспоминал уроки математики: прикладная комбинаторика. Сколько возможно разных сочетаний блинчиков му-шу и начинок? Сколько разных комбинаций можно составить из риса, свинины и перцев?

– А чего твоя мама не найдет нормальную работу? – как-то днем спросил Сплин у Пёрл. – Ей же наверняка дадут и больше часов в неделю. Или даже полный рабочий день. В “Жемчуге Востока”, например.

Сплин об этом размышлял с тех пор, как узнал про работу Мии. Если взять больше часов, рассудил он, им хватит на настоящий диван, настоящую еду, может, телевизор.

Пёрл уставилась на него, нахмутив лоб, словно вообще не поняла вопроса:

– У нее же есть работа. Она художница.

Они годами жили так: Мия работала на полставки, чтобы им только-только хватало на жизнь. Пёрл понимала эту иерархию, сколько себя помнила: настоящая работа матери – искусство, а заработок – лишь для того, чтобы этим искусством заниматься. Мия работала каждый день по несколько часов – впрочем, Сплин не сразу догадался, что это она так работает. Порой она торчала внизу, в самопальной темной комнате, которую устроила в подвальной прачечной, – проявляла пленки, печатала снимки. Иногда целыми днями читала – всякую всячину, смысл которой Сплин не вполне постигал: кулинарные журналы 1960-х, или руководства к автомобилям, или толстенную библиотечную биографию Элеоноры Рузвельт – или просто смотрела из гостиной на дерево за окном. Как-то утром Сплин приехал, а Мия возилась с веревочным кольцом, играла в “колыбель для кошки”; когда Сплин и Пёрл вернулись, Мия все

продолжала – в пальцах плела сети, все затейливее и затейливее, потом вдруг распускала в одно кольцо и начинала заново.

– Это процесс, – пересекая гостиную наискось, объяснила Пёрл невозмутимым тоном аборигена, которого не обескураживают любопытные обычаи местных народностей.

Иногда Мия уходила, прихватив с собой камеру, но чаще целыми днями, а то и неделями готовила объекты для съемки, хотя сама съемка длилась считанные часы. Ибо Мия, узнав Сплин, фотографом себя не считала. По сути своей фотография – это документирование, а Сплин вскоре понял, что для Мии она всего лишь инструмент: Мия орудовала фотографией, как художник орудует кистью или ножом.

Простую фотографию можно доделать: скрыть лица расшитыми карнавальными масками или вырезать фигуры, как бумажных кукол, и нарядить в одежду, тоже вырезанную из модных журналов. Для одной серии Мия промывала негативы, а затем печатала причудливо искаженные снимки – кухня, пятнистая от лимонадных брызг; белье на веревке, искривленное отбеливателем до призрачности. Для другой серии она аккуратно экспонировала каждый кадр дважды – наслоила далекий небоскреб на собственный средний палец; на голубое небо наложила мертвую птицу, раскинувшую крылья на тротуаре, – если бы не закрытые глаза, птица как будто летела.

Мия работала своеобразно: фотографии, которые ей нравились, оставляла, прочие выкидывала. Исчерпав идею, сохраняла один-единственный отпечаток каждого кадра и уничтожала негативы.

– Синдицироваться не планирую, – весьма беспечно ответила она Сплину, когда он спросил, почему она не печатает больше.

Она редко фотографировала людей; порой снимала Пёрл – вот как с кроватью на газоне, – но в работе эти снимки не использовала. И сама не фотографировалась: однажды, рассказывала Пёрл, сделала серию автопортретов, надевала всякие штуки вместо масок – кусок черных кружев, пятипалые листья конского каштана, влажную и гибкую морскую звезду, – потратила месяц, свела серию к восьми отпечаткам. Они были прекрасны и зловещи, и по сей день Пёрл отчетливо помнила, как блестящий материн глаз жемчужиной выглядывал меж

лучей морской звезды. Но в последний момент Мия сожгла и отпечатки, и негативы – причин не постигала даже Пёрл.

– Ты столько времени угробила, – говорила она, – а потом пуф-ф, – Пёрл щелкала пальцами, – и до свидания?

– Не сложились, – только и отвечала Мия.

Но фотографии, которые она сохраняла – и продавала, – потрясали.

В роскошной субарендованной квартире в Анн-Арборе Мия разобрала хозяйскую мебель и из запчастей – болтов с ее палец толщиной, нелакированных поперечин, открученных ног – составила животных. Громоздкий секретер девятнадцатого века преобразился в быка: мускулистые ноги – боковины ящиков, бычий нос, и глаза, и блестящие яйца – чугунные ручки, горсть перьев из недр секретера распахнулась веером и раздвоилась полумесяцами рогов. Вместе с Пёрл Мия разложила детали на кремовом персидском ковре – задник напоминал поле в клубах парного тумана, – залезла на стол, сфотографировала сверху, а потом они разобрали быка и снова собрали из него секретер. Старая китайская птичья клетка, разломанная на паутину гнутых стержней, обернулась орлом, что раскинул латунный скелет крыльев, точно собрался взлететь. Мягкий диван стал слоном, в трубном зове задравшим хобот. Серия фотографий, рожденная из этого проекта, притягивала взгляд и задевала нервы: звери получились замечательно затейливые и жизнеподобные, и зритель не сразу присматривался и понимал, из чего они сотворены. Немало этих фотографий Мия продала через подругу Аниту, владелицу галереи в Нью-Йорке, – человека, которого Пёрл никогда не видела, в городе, где Пёрл никогда не бывала. Мия ненавидела Нью-Йорк и не приезжала даже ради рекламы своих работ.

– Анита, – как-то раз сказала она в телефон, – я тебя люблю всей душой, но в Нью-Йорк на выставку приехать не могу. Нет, даже если продам сотню работ. (Пауза.) Я знаю, но и ты знаешь, что я никак. Хорошо. Сделай, что можешь, – мне этого довольно.

И все равно Аните удалось продать полдюжины, и еще полгода Мия не прибиралась в чужих домах, а трудилась над новым проектом.

Вот так она и работала: проект на четыре месяца или на полгода, а затем переходим к следующему. Она все работала и работала, и выходило сколько-то фотографий, и обычно Анита продавала в галерее хотя бы несколько штук. Поначалу расценки были до того скромные – несколько сотен долларов за снимок, – что Мие порой приходилось наниматься на две работы, а то и на три. Но время шло, в арт-кругах ее уже ценили довольно высоко, и Анита продавала больше и дороже: Мие и Пёрл хватало на еду, на жилье, на бензин для “фольксвагена-кролика” даже после того, как Анита забирала себе половину комиссионными.

– Иногда две или три тысячи долларов, – с гордостью говорила Пёрл, и Сплин быстро прикидывал в уме: если Мия продает десять фотографий в год...

Иногда снимки не продавались – из всего проекта со скелетами листьев продалась лишь одна фотография, и несколько месяцев Мия хваталась за случайные заработки: убиралась в домах, составляла букеты, украшала торты. Она была рукастая и предпочитала места, где не нужно общаться с клиентами, где можно подумать в одиночестве, – не официанткой, не секретаршей, не продавщицей.

– Я как-то раз стояла за прилавком, еще до твоего рождения, – рассказывала она Пёрл. – Продержалась день. Один день. Менеджер нудил, как вешать платья на плечики. Покупатели отрывали с одежды бусины и требовали скидок. Лучше тихо мыть полы в пустом доме, чем такое.

Но другие проекты продавались и привлекали внимание. На одной серии – к ней Мия приступила, некоторое время побыв швеей, – они прожили почти год. Мия ходила в благотворительные лавки и скупала старые мягкие игрушки – поблекших медведей, шелудивых плюшевых собак, потертых зайцев, чем дешевле, тем лучше. Дома она распарывала их по швам, стирала шкуры, распушала набивку, полировала глаза. Потом опять сшивала, вывернув наизнанку, – и получалась леденящая красота. Вывернутый драный мех смотрелся стриженным бархатом. У заново сшитого и набитого зверя сохранялась форма, но менялась осанка – спина и шея прямее, острее уши, прозорливее блеск глаз. Зверь словно перерождался – постаревший, осмелевший, помудревший. Пёрл обожала смотреть, как мать трудится, склонившись над кухонным столом, с четкостью хирурга – скальпель, игла, булавки – преобразует эти игрушки в искусство. Анита продала все фотографии серии до единой; один снимок, отчиталась она, даже попал в Музей современного искусства. Анита

умоляла Мию продолжить или напечатать серию еще раз, но та отказалась.

- Идея исчерпана, - сказала Мия. - У меня теперь другая в работе.

И так всегда - всякий раз по-другому, всякий раз то, что ее увлекало. В один прекрасный день она прославится - в этом Пёрл была убеждена; в один прекрасный день ее обожаемая мать станет одной из тех художниц, чьи имена знают все, - как де Кунинг, или Уорхол, или О'Кифф[4 - Нидерландский художник и скульптор Виллем де Кунинг (1904-1997) и его жена, американская художница и арт-критик Элен де Кунинг (Элен Мария Фрид, 1918-1989) - ключевые фигуры абстрактного экспрессионизма второй половины XX в., представители нью-йоркской школы. Энди Уорхол (Эндрю Уорхола, 1928-1987) - американский художник, антрепренер, кинематографист, продюсер, издатель, ведущий представитель и один из идеологов движения поп-арта. Джорджия Тотто О'Кифф (1887-1986) - американская художница, "мать американского модернизма".]. И поэтому Пёрл - во всяком случае, отчасти - не возражала против такой жизни: поношенной одежды, кем-то выброшенных кроватей и стульев, неверной шаткости бытия. В один прекрасный день все увидят, что ее мать гениальна.

Сплин подобное существование постигал с трудом. Смотреть, как живут мать и дочь Уоррен, - все равно что наблюдать фокус: волшебство вроде превращения пустой банки из-под газировки в серебряный графин или извлечения дымящегося пирога из цилиндра. Нет, думал он, это все равно что наблюдать, как Робинзон Крузо творит себе жизнь из ничего. Чем больше времени Сплин проводил с Мией и Пёрл, тем больше они его завораживали.

По полдня проводя с Пёрл, он постепенно узнавал кое-что об их жизни в дороге. Путешествовали они налегке: две тарелки, две чашки, букет разномастных приборов; у каждой по вещмешку с одеждой; и, разумеется, фотоаппараты Мии. Летом ехали с опущенными стеклами, потому что у "кролика" не было кондиционера; зимой ездили по ночам, включив печку на полную мощность, а днем парковались на солнышке, спали в уютной теплице машины и снова отправлялись в путь на закате. На ночь Мия ставила сумки возле сидений, поверх расстилала армейское одеяло - выходила постель, на которой они вдвоем еле-еле помещались. Чтобы никто не глазел, между дверцей багажника и подголовниками передних сидений натягивали простыню - получалась палатка. Ели, притормозив на обочине, из бумажных продуктовых пакетов, стоявших за водительским сиденьем: хлеб, арахисовое масло, фрукты, иной раз

саями или палка пепперони, если Мия находила колбасу со скидкой. Иногда путешествовали пару дней, иногда неделю, приезжали куда-нибудь и, если Мия улавливала там созвучие, – останавливались.

Находили жилье: обычно студию, порой однокомнатную квартиру – то, что могли себе позволить и с ежемесячной платой, потому что Мия не любила сидеть на месте как привязанная. Обустраивались так же, как в Шейкер-Хайтс, – переделывали или хотя бы подновляли выброшенное и уцененное; Мия записывала Пёрл в местную школу и находила работу, чтоб хватало на жизнь. И приступала к новому проекту – работала, носилась с идеей, как собака с костью, по три месяца, четыре, полгода, пока не набирала серию, которую отправляла Аните в Нью-Йорк.

Темную комнату Мия устраивала в ванной, когда Пёрл засыпала. После пары-тройки переездов отладила процесс до лабораторной точности: лотки для промывки в ванне, просушка снимков на душевой штанге, скатанное полотенце под дверь, чтоб не светило из щели. Закончив, лотки она складывала штабелем, убирала фотоувеличитель в футляр, прятала под раковину банки с реактивами, до блеска оттирала ванну к утреннему душу Пёрл. Приоткрывала окно и отправлялась в постель; когда просыпалась Пёрл, от кислой вони фиксажа не оставалось и следа. Пёрл всегда знала: едва Мия отошлет серию, они снова погрузятся в машину – и всё повторится. Один город – один проект, а затем пора двигаться дальше.

Но на сей раз будет иначе.

– Мы остаемся, – сказала Пёрл, и в головокружительном восторге Сплин будто воспарил, как туго надутый воздушный шарик. – Мама обещала. На этот раз мы остаемся насовсем.

Эта жизнь кочевых художников манила Сплина: в душе он был романтик. Каждый семестр он заканчивал с отличием, но быт его не обременял, и Сплин грезил о том, как бросит школу и отправится странствовать по стране а-ля Джек Керуак – только писать будет не стихи, а песни. “Книги Никки” снабдили его сильно потрепанными изданиями “На дороге” и “Бродяг Дхармы”, стихов Фрэнка О’Хары, и Райнера Марии Рильке, и Пабло Неруды, и, к великой своей радости, в Пёрл он обнаружил такую же поэтичную душу. Она, конечно, читала меньше – они же вечно мотались, – но почти все детство проторчала в библиотеках; вечной новенькой перепрыгивая из школы в школу, искала убежища меж

стеллажей, книги поглощала как воздух и вообще-то, застенчиво поведала она Сплину, хотела стать поэтом. Любимые стихи она переписывала в помятую тетрадь на пружинке и никогда с этой тетрадью не расставалась.

– Чтоб они всегда были со мной, – сказала она, а когда наконец разрешила Сплину кое-что прочесть, он лишился дара речи. Хотелось телом своим оплести крошечные завитки ее почерка.

– Какая красота, – вздохнул он, и ее лицо вспыхнуло фонарем, и назавтра Сплин приволок гитару, обучил Пёрл трем аккордам и робко спел ей одну свою песню, которую никогда никому не пел.

Память у Пёрл, как он вскоре узнал, была фантастическая. Пёрл дословно повторяла целые пассажи, прочтя их всего раз, помнила даты Великой хартии вольностей, и имена английских королей, и всех президентов по порядку. Сплин добивался оценок усердными трудами и грудями обучающих карточек, а Пёрл все давалось легко; она умела взглянуть на математическую задачу и нащупать ответ интуитивно, пока Сплин старательно, строку за строкой, заполнял страницу алгебраическими выкладками; она умела прочесть сочинение и мигом ткнуть пальцем в самый яркий тезис или самую крупную логическую ошибку. Она будто смотрела на кучу деталек от пазла и различала целую картинку, даже не сверяясь с коробкой. Разум ее – это что-то невероятное; Сплин поневоле восхищался, как стремительно, играючи щелкает задачи ее мозг. Наблюдать, как она все раскладывает по полочкам, – чистый кайф.

Чем чаще они бывали вместе, тем сильнее Сплин раздваивался. Мгновенье за мгновеньем (все мгновенья, что удавалось улучшить, если честно) он был с Пёрл – в кабинке закуской, в развилке дерева – и смотрел, как ее глазищи с неутолимой жадью вбирают все вокруг. Он сыпал тупыми шуточками, травил байки, выуживал из памяти факты – из кожи вон лез, только бы она улыбнулась. И в то же время он мысленно бродил по городу, судорожно искал, куда еще ее отвести, какое еще чудо пригородного Кливленда ей предъявить, ибо Сплин был убежден: едва его экскурсии подойдут к концу, Пёрл исчезнет. Он уже подмечал, что за картошкой фри она становится молчаливее, гоняет по тарелке последний кусочек застывшего сыра; что взгляд ее откровенно уплывает через озеро, к дальнему берегу.

Вот потому-то Сплин и принял решение, в котором будет сомневаться до конца своих дней. До того он ни словом не обмолвился родным ни о Пёрл, ни о ее

матери, стерег их дружбу, как дракон стережет сокровище – безмолвно, жадно. В глубине души он чуял, что теперь все изменится: так в сказках магия перегорает, если выболтать секрет. Сохрани он Пёрл в тайне, возможно, будущее сложилось бы совсем иначе. Пёрл никогда не повстречалась бы с его родителями, и с Лекси, и с Трипом, и с Иззи, а если бы и повстречалась, они бы лишь здоровались, но не познакомились близко. Пёрл с матерью остались бы в Шейкер-Хайтс навсегда, как и собирались; может, одиннадцать месяцев спустя дом Ричардсонов стоял бы себе и стоял. Но Сплин считал, что не слишком интересен и не достоин ее внимания сам по себе. Он не тот Ричардсон: сёстры-то его и брат не парились, нравятся ли они людям. У Лекси – солнечная улыбка и беззаботный смех; у Трипа – красота и ямочки; еще бы они не нравились, у них и вопроса такого не возникало, с чего бы? Иззи еще проще, ей по барабану, что о ней думают. Но у Сплина не было ни теплоты Лекси, ни хулиганского обаяния Трипа, ни самоуверенности Иззи. Сплин считал, ему нечего подарить Пёрл – лишь то, что может подарить его семья, лишь саму его семью, – и поэтому однажды в конце июля он сказал:

– Пошли к нам. Познакомишься с моими.

Впервые ступив в дом Ричардсонов, Пёрл замерла одной ногой на пороге. Это просто дом, сказала она себе. Здесь живет Сплин. Но даже эта мысль отдавала абсурдом. Сплин с тротуара кивнул ей не без робости.

– Вот так-то, – сказал он, а она сказала:

– Ты живешь здесь?

Не в размерах дело – ну да, большой дом, но на этой улице все дома большие, а за три недели в Шейкер-Хайтс Пёрл видела дома и побольше. Нет, дело в том, как зелен газон, и резки линии белого раствора между кирпичами, и шелестят кленовые листья на ветерке, и дует этот ветерок. И в прихожей пахнет моющим средством, и стряпней, и травой, и уголок коврика изогнулся вихром, словно кто-то взлохматил его и забыл пригладить. Пёрл точно вступала не в дом, но в идею дома – точно у нее на глазах ожил и задышал архетип. Она о таком слыхала, но никогда не видела. В глубинах дома бурчала жизнь – тихо бубнила реклама по телевизору, пищала микроволновка, ведя обратный отсчет времени, – но вдали, как во сне.

– Заходи, – сказал Сплин, и Пёрл вошла.

Позднее Пёрл почудится, будто ради нее Ричардсоны нарочно выстроились в эту живую картину – нельзя же изо дня в день жить в такой дивной семейной сказке. Вот миссис Ричардсон на кухне печет печенье, подумать только, – Мия никогда ничего не пекла, хотя, если Пёрл очень-очень попросит, иногда покупала полено теста в термоусадочной пленке, и они резали его на кругляши. Вот мистер Ричардсон – миниатюра на огромном зеленом газоне, ловко заправляет углем блестящую серебристую жаровню. Вот Трип, валяется на длиннущем угловом составном диване, красивый до невероятия, одну руку закинул на спинку, словно поджидает, когда некая везучая девушка подойдет и сядет рядом. И вот Лекси, против Трипа, в луже солнечного света, – отводит лучистые глаза от телевизора, взглядом встречает Пёрл на пороге и осведомляется:

– Так-так-так, а это у нас кто?

4

Из всего семейства Ричардсон в те первые пьянящие дни Пёрл почти не виделась только с Иззи – но заметила это не сразу. Как тут заметишь, когда остальные Ричардсоны раскинули длинные руки и заключили ее в объятия? Они ослепляли Пёрл, Ричардсоны, – своей беспечной самоуверенностью, ясной целеустремленностью, с утра до ночи. По приглашению Сплина Пёрл торчала у них долгими часами – приходила вскоре после завтрака и оставалась до ужина.

По утрам миссис Ричардсон на высоких каблуках парусником врывалась в кухню – ключи от машины и кружка-термос из нержавеющей стали в руках – и говорила:

– Пёрл, как приятно снова тебя видеть.

И цок-цокала в глубину дома по коридору, а спустя минуту рокотала гаражная дверь и по широкой дорожке скользил прочь ее “лексус” – золотой очаг прохлады посреди летней жары. Мистер Ричардсон в пиджаке и при галстук давно уехал, но маячил фоном, плотный, и весомый, и важный, точно горная

гряды на горизонте. Пёрл спросила Сплина, чем его родители целыми днями занимаются, и тот пожал плечами:

– Ну-у... так. Ходят на службу.

На службу! В устах матери от этих слов несло тоской рутины: обслуживать столики, мыть посуду, драить полы. Но для Ричардсонов “служба” была благородна: они делали что-то важное. По четвергам мальчишка-газетчик кидал Мие и Пёрл на крыльцо номер “Сан-пресс” – для всех жителей Шейкер-Хайтс бесплатно, – и, развернув газету, они читали имя миссис Ричардсон на первой полосе под заголовками: В ГОРОДЕ ОБСУЖДАЮТ НОВЫЙ НАЛОГОВЫЙ СБОР; ЖИТЕЛИ ОТКЛИКНУЛИСЬ НА ПРОЕКТ БЮДЖЕТА ПРЕЗИДЕНТА КЛИНТОНА; НА ШЕЙКЕР-СКВЕР ПРОХОДИТ ПОДГОТОВКА К “ОТНЮДЬ НЕ СКВЕРНОМУ СКВЕРУ”. Осязаемое черно-белое доказательство усердия миссис Ричардсон.

(– Да это все лабуда, – сказал Сплин. – “Плейн дилер” – это да, настоящая газета. “Сан-пресс” – это же местные штуки: совещания муниципалитета, комиссии по районированию, кто победил на научной выставке. – Но Пёрл, глазами ощупывая подпись – Елена Ричардсон, – не поверила или пропустила мимо ушей.)

Они были знакомы с большими шишками, Ричардсоны: мэр, директор Кливлендской клиники, владелец “Кливлендских индейцев”[5 – “Кливлендские индейцы” (Cleveland Indians, с 1901) – кливлендская профессиональная бейсбольная команда Главной лиги.]. У них были сезонные абонементы на “Джейкобс-филд” и “Гунд”.

(– “Кавы”[6 – “Кливлендские кавалеры” (Cleveland Cavaliers, с 1970) – кливлендская профессиональная баскетбольная команда Национальной баскетбольной лиги.] – отстой, – емко высказался Сплин. – Зато “Индейцы” могут выиграть вымпел, – возразил Трип.)

Иногда звонил мобильник – мобильник! – у мистера Ричардсона, и тот вытягивал антенну, выходя в коридор.

– Билл Ричардсон, – отвечал он; чтобы поздороваться, ему хватало просто назвать себя.

И даже у младших Ричардсонов то же самое – такая же уверенность в себе. Воскресными утрами Пёрл и Сплин сидели в кухне и Трип забредал после пробежки, стоял у кухонного островка, высокий, и загорелый, и худой, в спортивных трусах, совершенно непринужденный, и наливал себе соку, и внезапно сверкал улыбкой, повергая Пёрл в смятение. Лекси пристраивалась на кухонной столешнице, неэлегантная в спортивных штанах и футболке, с неопрятно заколотым пучком, сковыривала кунжутные семечки с бублика. И плевать, что Пёрл наблюдает их в таком виде. Они были безыскусно прекрасны, даже спросонок. Откуда берется такая раскованность? Как им дается эта естественность, эта уверенность, даже в пижаме? Читая меню, Лекси никогда не говорила: “А можно мне?..” Она говорила: “Я буду...” – убежденно, словно достаточно сказать – и все случится по ее слову. Это смущало и пленяло Пёрл. Лекси сползала с табурета и элегантно, как танцовщица, шагала по кухне, босиком по итальянской плитке. Трип заливал в горло остатки апельсинового сока и уходил к лестнице, в душ, и Пёрл смотрела, как он идет, и ноздри ее трепетали, ловя его запах в кильватере – пот, и солнце, и жар.

В доме у Ричардсонов были мягкие диваны – в них погружаешься, как в пенную ванну. Комоды. Громоздкие кровати-сани. Если завести себе вот такое гигантское кресло, думала Пёрл, тебе деваться некуда – придется сидеть на одном месте. Пустить корни и устроить себе дом там, где стоит это кресло. У Ричардсонов были оттоманки, и фотографии в рамочках, и горки, набитые утешительно легкомысленными сувенирами. Не повезешь резную раковину с Ки-Уэста, или миниатюрную Си-Эн-Тауэр, или бутылочку песка не больше пальца с Мартас-Винъярд, если не планируешь остаться. В Шейкер-Хайтс жили три поколения семьи миссис Ричардсон – почти, как выяснила Пёрл, с самого основания города. Пустить стержневой корень в такую глубину, погрузиться в город так всецело, что он пропитывает все фибры твоего бытия... Пёрл и вообразить такого не умела.

Сама миссис Ричардсон тоже завораживала. На телеэкране она смотрелась бы нереальной, все равно что какая-нибудь миссис Брейди или миссис Китон [7 - Миссис Кэрол Брейди – персонаж ситкома компании ABC “Семейка Брейди” (The Brady Bunch, 1969–1974), созданного американским телепродюсером Шервудом Шварцем, о семье, состоящей из отца с тремя сыновьями и матери с тремя дочерьми; миссис Брейди сыграла Флоренс Хендерсон. Миссис Элиз Китон – персонаж ситкома компании ABC “Семейные узы” (Family Ties, 1982–1989) американского телепродюсера Гэри Дэвида Голдберга, мать троих детей, бывшая хиппи; ее роль сыграла Мередит Бакстер.]. И однако вот она, вживую, то и дело отпускает комплименты.

“Какая красивая юбка, Пёрл, – говорит она. – Тебе идет этот цвет. «Отлично» по всем предметам? Какая ты умница. У тебя сегодня очень красивая прическа. Ой, не дури, зови меня Елена, я настаиваю”, – но Пёрл по-прежнему звала ее “миссис Ричардсон”, и та наверняка втайне одобряла такую почтительность. Миссис Ричардсон быстро завела привычку обнимать Пёрл – Пёрл, почти чужачку, – потому только, что она друг Сплина. Мия была нежна, однако сдержанна; на памяти Пёрл мать никогда никого, кроме нее, не обнимала. А тут миссис Ричардсон – возвращается к ужину, всех своих детей чмокает в макушку и ничуть не медлит, шагнув к Пёрл, клюет ее поцелуем в волосы, не замывшись ни на миг. Словно Пёрл – лишь еще один цыпленок в выводке.

Мия, конечно, видела, до чего околдована дочь Ричардсонами. Иногда Пёрл проводила у них целый день. Поначалу Мия радовалась, глядя на Сплина и свою одинокую дочь, которую столько раз срывали с места, которая никогда ни с кем особо не сблизилась. Теперь-то стало ясно, что Пёрл давным-давно живет по указке материнских капризов: они уезжают, едва Мие требуются новые идеи, едва Мия заходит в тупик, едва Мие становится неуютно. Теперь это позади, пообещала Мия дочери по дороге в Шейкер-Хайтс. Теперь мы остаемся насовсем. В этих двух одиноких детях она различала сходство – отчетливее даже, чем они сами: у обоих внутри таились чувствительные души, у обоих книжная мудрость наслаивалась на глубинную наивность. Сплин приходил рано поутру, когда Пёрл еще даже не позавтракала, и Мия, просыпаясь, раздергивала занавески и видела велосипед Сплина, распластавшийся на парадном газоне, и выходила в кухню, где Сплин и Пёрл сидели за столом, и в разномастных плошках перед ними болтались остатки отрубей с изюмом. Дети уходили на целый день, и Сплин шагал, толкая велосипед. Мия, споласкивая плошки в раковине, делала мысленную зарубку: надо поискать велосипед для Пёрл. Может, в велосипедном магазине на Ли-роуд найдется подержанный.

Но недели шли, и Мию уже слегка нервировало, что Ричардсоны так действуют на Пёрл, что они впитали ее в свою жизнь – или же наоборот. За ужином Пёрл болтала о Ричардсонах – она фанатела от них, как от телесериала.

– На будущей неделе приедет Дженет Рино[8 - Дженет Вуд Рино (1938–2016) – генеральный прокурор США (1993–2001) при президенте Билле Клинтоне, первая женщина, занимавшая этот пост.] – миссис Ричардсон возьмет у нее интервью, – объявляла она.

Или:

– Лекси говорит, ее парень Брайан станет первым чернокожим президентом.

Или, чуточку краснея:

– Трип играет в европейский футбол – осенью его переведут в форварды. Только что узнал.

Мия кивала, и угукала, и каждый вечер раздумывала, мудро ли, хорошо ли, что дочь так безоглядно поддалась чарам этой семьи. А затем вспоминала весну, когда у Пёрл начался такой ужасный кашель, что пришлось наконец отвезти ее в больницу, где обнаружилось, что у дочери пневмония. Сидя в темноте у ее постели, глядя, как она спит, поджидая, когда подействуют выданные врачом антибиотики, Мия позволила себе вообразить: случись худшее – какая жизнь выпала Пёрл? Кочевая, отшельническая. Одинокая. С этим покончено, сказала Мия себе, и, когда Пёрл поправилась, они очутились в Шейкер-Хайтс и Мия пообещала, что здесь они и останутся. Поэтому она помалкивала, и назавтра Пёрл вновь торчала у Ричардсонов с утра до вечера, и они пленяли ее все сильнее.

Пёрл то и дело приходила в школы новенькой, порой два-три раза в год, и давно не боялась, но на сей раз мандражировала страшно. Одно дело – поступить в школу, зная, что это временно и потому незачем переживать, что о тебе думают, – скоро тебя здесь не будет. Пёрл так и дрейфовала класс за классом, не трудясь ни с кем знакомиться. Но знать, что с этими людьми тебе встречаться весь год, и на будущий год, и еще год спустя, – это совсем другое.

Однако выяснилось, что у них со Сплином совпадают почти все уроки, от биологии и углубленного английского до основ безопасности жизнедеятельности. Первые две недели Сплин уверенно, как умеют только десятиклассники, водил ее по школе и объяснял, в каких питьевых фонтанчиках вода холоднее, где лучше садиться в столовой, какие учителя напишут замечание, застав тебя после звонка в коридоре, а какие махнут рукой и снисходительно улыбнутся. Навигацию Пёрл осваивала по фрескам, за многие годы намалеванным учениками: взрывающийся “Гинденбург”[9 - “Гинденбург” – крупнейший на момент постройки (1936) дирижабль, загоревшийся и взорвавшийся при посадке 6 мая 1937 г. на авиабазе Лейкхёрст в Манчестер-

Тауншип, штат Нью-Джерси, по прилете из Германии; катастрофа стала началом упадка и конца эры дирижаблей. Горящий “Гинденбург” изображен на обложке первого альбома Led Zeppelin.] указывал путь в естественно-научное крыло; Джим Моррисон томился у балкона большого зала; девочка, выдувающая розовые мыльные пузыри, приводила в загадочную Эвакуацию – гулкий коридор, куда в обед стекались все, кто не поместился в столовой. Trompe-l’œil[10 - Обман зрения (фр.), техника изображения псевдообъемных объектов.] с шеренгой шкафчиков помечал выход к Комнате Отдыха, гостиной выпускного класса, где стояли микроволновка – разогреть попкорн во время “окон”, – и автомат с кока-колой, которая стоила всего пятьдесят центов, а не семьдесят пять, как в столовой, и коренастый черный куб музыкального автомата, уцелевшего с семидесятых и теперь крутившего Сэра Микс-а-Лота, и “Смэшинг Пампкинз”, и “Спайс Гёрлз”[11 - Сэр Микс-а-Лот (Sir Mix-a-Lot, Энтони Рэй, р. 1963) – американский рэпер и музыкальный продюсер. “Смэшинг Пампкинз” (The Smashing Pumpkins, с 1988) – американская альтернативная рок-группа из Чикаго. “Спайс Гёрлз” (Spice Girls, 1994–2000) – английская девичья поп-группа, невероятно популярная по всему миру во второй половине 1990-х.]. Годом раньше один школьник на купольном потолке у центрального входа нарисовал себя и троих друзей – все четверо выглядывали из-за стенки а-ля Килрой[12 - Килрой – персонаж граффити, популярного в 1940–50-х гг. в англоязычных странах, выглядывающий из-за стены носатый и лысый человек.], – и всякий раз, когда Пёрл проходила под этим куполом, ей чудилось, что это они гостеприимно с нею здороваются.

После школы она шла к Ричардсонам, валялась на угловом диване в семейной гостиной со старшими и смотрела шоу Джерри Спрингера. Этот маленький ритуал сложился у детей Ричардсонов в последние годы – один из редких случаев, когда они в чем-то сошлись. Никто ничего не планировал, никто ни с кем ничего не обсуждал, но каждый день, если у Трипа не было тренировки, а у Лекси репетиции, они собирались в семейной гостиной и включали Третий канал. Для Сплина – чарующий психологический этюд: каждый эпизод – очередной пример дикости человечества. Для Лекси – сродни антропологии: матери-стриптизерши, полигамные жены, малолетние наркодилеры открывали окно в далекий-далекий мир, все равно что из книг Маргарет Мид[13 - Маргарет Мид (1901–1978) – американский антрополог, этнопсихолог, изучала отношения между различными возрастными группами в традиционных обществах.]. А для Трипа – чистая комедия: великолепный балаган с запиканными тирадами и обильным швырянием стульев. Больше всего он любил, как с гостей срывают парики. Иззи все это считала невыразимым идиотизмом, баррикадировалась наверху и играла на скрипке.

- Единственное, к чему Иззи относится серьезно, - объяснила Лекси.

- Нет, - возразил Трип, - Иззи ко всему относится слишком серьезно. В этом и беда.

- Ирония в том, - как-то днем сказала Лекси, - что через десять лет мы увидим Иззи у Спрингера.

- Через семь, - сказал Трип. - Максимум восемь. "Джерри, вытащи меня из тюрьмы!"

- Или "Моя семья хочет сдать меня в психушку", - согласилась Лекси.

Сплин неуютно поерзал. Лекси и Трип относились к Иззи как к собаке, которая вот-вот взбесится, но между собой всегда ладили.

- Она просто немножко импульсивная, - сказал он Пёрл.

- Немножко импульсивная? - засмеялась Лекси. - Это, Пёрл, ты пока ее не знаешь. Увидишь еще.

И полились истории, а про Джерри Спрингера все временно забыли.

Когда Иззи было десять, ее задержали в Обществе защиты животных - она хотела освободить всех бродячих кошек. "Они там как заключенные перед казнью", - сказала она. Когда ей было одиннадцать, мать - сочтя, что Иззи чересчур неуклюжа, - записала ее на танцы, улучшить координацию. Отец настоял, чтобы Иззи ходила туда весь семестр - потом может бросить, если хочет. На каждом занятии Иззи садилась на пол и отказывалась шевелиться. На концерте она - прибегнув к зеркалу и маркеру - написала на лбу и щеках Я ВАМ НЕ МАРИОНЕТКА прямо перед выходом на сцену, где простояла столбом, пока остальные конфузливо танцевали вокруг.

- Я думала, мама со стыда умрет, - сказала Лекси. - А в том году? Мама решила, что Иззи слишком много носит черного, и купила ей кучу красивых платьев. А Иззи запихала их в бумажный пакет, села на автобус, поехала в центр и всё отдала кому-то на улице. Мама ее наказала на месяц.

– Она не психованная, – возмутился Сплин. – Она просто не думает головой.

Лекси фыркнула, а Трип включил звук на пульте, и Джерри Спрингер вновь заревел.

На диване умещались восемь человек, но даже когда детей было трое, все ухищрялись, воюя за место получше. С появлением Пёрл маневры усложнились. При любой возможности она садилась – ненавязчиво, невозмутимо, надеялась она – рядом с Трипом. Всю жизнь она влюблялась издалека; ей никогда не хватало смелости заговорить с мальчиком, который ей нравился. А сейчас, раз она поселилась в Шейкер-Хайтс насовсем, а Трип здесь, в этом доме, сидит на том же диване, – ну, вполне естественно, говорила она себе, что время от времени она садится рядом; никто, конечно, ничего такого не подумает – уж точно не Трип. Между тем Сплин считал, что заслуживает места рядом с Пёрл: он привел ее сюда и полагал, что его претензии первичны – он же самый давний ее знакомый. В результате Пёрл пристраивалась к Трипу, Сплин плюхался рядом с ней, братья сплющивали ее между собой, а Лекси растягивалась в углу, с ухмылкой глядя на эту троицу, и включала телевизор, и все четверо переводили взгляд на экран, очень остро сознавая при этом, что творится в комнате.

Дети Ричардсонов, как вскоре узнала Пёрл, жарче всего дискутировали о Джерри Спрингере.

– Слава богу, мы живем в Шейкер-Хайтс, – сказала Лекси во время провокационного эпизода “Хватит водить белых девчонок домой к ужину!”. – В смысле, нам повезло. Здесь никто и не замечает расу.

– Все замечают расу, Лекс, – возразил Сплин. – Вопрос в том, кто притворяется, будто не замечает.

– Посмотри на нас с Брайаном, – ответила Лекси. – Мы с одиннадцатого класса вместе, и всем по-фиг, что я белая, а он черный.

– Может, его родители предпочли бы, чтоб он с чернокожей встречался, тебе не кажется?

– Мне-то кажется, что им все равно. – Лекси вскрыла еще банку диетической колы. – Цвет кожи ничего не говорит нам о том, кто ты есть.

– Ш-ш-ш, – вмешался Трип. – Продолжается.

И однажды во время такого сеанса – эпизод назывался “Я рожаю ребенка от твоего мужа!” – Лекси вдруг повернулась к Пёрл и спросила:

– А ты не думаешь поискать своего отца?

Пёрл ответила ей расчетливо пустым взглядом, но Лекси это не помешало:

– В смысле, выяснить, где он, например. Ты не хочешь с ним познакомиться?

Пёрл перевела взгляд на экран, где здоровенные охранники тщились усадить на место оранжевоволосую тетку, сложенную как кожаное кресло для великана.

– Для начала надо выяснить, кто он, – ответила Пёрл. – И, ну, ты глянь, как прекрасно это заканчивается. Это мне зачем такое? – Сарказм не был дарован ей природой, и даже ей самой показалось, что вышло скорее жалобно, чем иронично.

– Он же может быть кем угодно, – задумчиво сказала Лекси. – Бывший. Может, сбежал, когда твоя мама забеременела. Или, может, погиб от несчастного случая, когда ты еще не родилась. – Лекси побарабанила пальцем по губам, про себя жонглируя версиями. – Может, ушел к другой. Или... – И она в возбуждении подскочила. – Может, он ее изнасиловал. А она забеременела и решила рожать.

– Лекси, – вдруг сказал Трип. Он сдвинулся по дивану и обнял Пёрл за плечи. – А ну заткнула пасть.

Чтобы Трип вникнул в беседу, не касавшуюся спорта, – более того, чтобы Трип уловил чужие чувства... прецедент необычайный, и это поняли все.

Лекси закатила глаза:

– Да я пошутила. Вот Пёрл меня поняла. Правда, Пёрл?

– Конечно, – ответила Пёрл. И выдавила улыбку. – А то.

Под мышками у нее внезапно повлажнело, сердце заколотилось как бешеное – то ли рука Трипа у нее на плече подействовала, то ли слова Лекси, то ли все это разом. Наверху, где-то над головой, Иззи разучивала Лало[14 - Эдуар-Виктуар-Антуан Лало (1823–1892) – французский композитор; его “Испанская симфония ре-минор” (Symphonie espagnole, 1874) входит в стандартный репертуар для скрипки с оркестром.] на скрипке. На экране две женщины снова вскочили и вцепились друг другу в волосы.

Однако вопрос Лекси задел за живое. Пёрл и сама всю жизнь гадала, но сейчас слова были сказаны вслух, прозвучали из чужих уст, и оттого вопрос показался еще настоятельнее. Время от времени Пёрл тоже его задавала, но в детстве Мия отшучивалась. “Ой, да я тебя в «Гудвилле» нашла, в контейнере с уцененкой”, – как-то раз сказала она. А в другой раз: “Я тебя выкопала на капустной грядке. А ты не знала?” Подростком Пёрл наконец перестала спрашивать. В тот день вопрос еще ворочался в голове, когда Пёрл вернулась домой, где мать в гостинной ретушировала фотографию велосипедного скелета.

– Мам, – начала Пёрл и поняла, что повторить лобовое выступление Лекси не в силах. Вместо этого она задала вопрос, что полноводной подземной рекой тек в недрах всех прочих вопросов: – Я была желанна?

– Где желанна?

Аккуратным мазком Мия снабдила пустую велосипедную вилку колесом цвета берлинской лазури.

– Здесь. В смысле, ты меня хотела? Когда я была маленькая?

Мия не отвечала очень долго – Пёрл уже заподозрила, что мать не услышала. Но после паузы Мия с кистью в руке обернулась, и, к изумлению Пёрл, глаза у нее были влажные. Неужто мать плачет? Ее хладнокровная, могучая, неукротимая мать, которую Пёрл ни разу не видела в слезах: ни когда “кролик” заглох на обочине и какой-то человек в синем пикапе остановился, якобы хотел помочь, отнял у Мии сумочку и укатил; ни когда Мия уронила на ногу, на мизинец, тяжелую кровать – найденную на обочине же – и разбила так сильно, что ноготь

в конце концов стал баклажанный и вообще сошел. И однако сейчас в материнских глазах незнакомое мерцание – будто смотришь на водяную рябь.

– Была ли ты желанна? – переспросила Мия. – О да. Ты была желанна. Очень, очень желанна.

Она отложила кисть в лоток и почти бегом кинулась из комнаты, больше не взглянув на Пёрл, оставив дочь рассматривать недоделанный велосипед, и заданный вопрос, и щетину кисти в лужице краски, что постепенно затягивалась кожицей.

5

Эпизод Джерри спрингера будто открыл Лекси глаза на существование Пёрл, и с того дня Лекси заинтересовалась подругой младшего брата – Маленькой Сироткой Пёрл, как она сказала Сирина Вон однажды вечером по телефону.

– Такая тихоня, – дивилась Лекси. – Будто боится заговорить. А если на нее смотришь, она краснеет – прямо красная-красная, как помидор. Буквально помидор.

– Она ужас какая стеснительная, – согласилась Сирина. Они с Пёрл несколько раз встречались у Ричардсонов, но пока Сирина не довелось услышать от Пёрл ни слова. – Наверное, заводить друзей не умеет.

– Не просто не умеет, – задумчиво сказала Лекси. – Она как будто пытается быть невидимой. Прямо на виду прячется.

Пёрл, такая робкая и тихая, такая боязливая, завораживала Лекси. А поскольку Лекси – это Лекси, начала она с внешности.

– Она симпатичная, – сказала она Сирина. – Если б не эти громадные футболки, была бы лапочка.

И вот так однажды под вечер Пёрл явилась домой с целым пакетом новой одежды. Не совсем новой, как выяснила Мия, складывая одежду в стирку: залатанные джинсы семидесятых, с тесьмой по шву, цветастая хлопковая блузка, сверстница джинсов, кремовая футболка с портретом Нила Янга на груди.

- Мы с Лекси ходили в лавку, - объяснила Пёрл, когда Мия вернулась из прачечной. - Она хотела прошвырнуться по магазинам.

Вообще-то Лекси сначала повезла Пёрл в торговый центр. Вполне естественно, сочла Лекси, что Пёрл обратится за советом к ней: Лекси привыкла, что все спрашивают ее мнения, - более того, зачастую считала, что ее мнения спросили, просто не совсем вслух. А Пёрл - такая лапочка, ежу понятно: эти огромные темные глаза, которые без макияжа кажутся еще больше; эти длинные темные кудри, которые, если распустить косу - как-то раз Лекси удалось уговорить Пёрл, - вот-вот поглотят ее целиком. И как Пёрл всё разглядывает в доме Ричардсонов - да, собственно, везде и всё разглядывает, - будто впервые в жизни видит. Когда Пёрл пришла во второй раз, Сплин оставил ее в солярии и отправился за газировкой, а Пёрл не стала садиться - медленно крутилась на месте, точно не в дом Ричардсонов попала, а в страну Оз. Лекси как раз шла по коридору с последним номером "Космо" и диетической колой, спряталась за дверь и посмотрела. Пёрл протянула робкий пальчик и обвела лозу на обоях, и на Лекси теплой волной нахлынула жалость к ней, этой грустной мышке. Тут из кухни вышел Сплин с двумя банками "Вернорса".

- А я тебя не видел, - сказал он. - Мы кино хотели посмотреть.

- Я за, - ответила Лекси, и, как выяснилось, и впрямь была за.

Устроившись в большом кресле в углу, она одним глазом наблюдала за Пёрл - та наконец села и вскрыла банку с газировкой. Сплин сунул кассету в видеоплеер, Лекси открыла журнал. Тут ее посетила идея - можно же сделать доброе дело.

- Эй, Пёрл, я дочитаю, и можешь взять, - сказала она, в душе смутно сияя подростковой щедростью.

А в тот день в начале октября Лекси решила поводить Пёрл по магазинам.

– Поехали, Пёрл, – сказала она. – Мы в торговый центр.

Говоря торговый центр, Лекси даже не вспомнила про ТЦ “Рэндалл-парк” неподалеку от запруженной Уорренсвилл-роуд, за шиномонтажом, ипотечной конторой и круглосуточным детским садиком, – ТЦ “Рэндалл-мрак”, иногда называли его школьники. Лекси жила в Шейкер-Хайтс и вспомнила только про торговый центр, где покупала всё, – “Бичвуд-плейс”, наманикюренный маленький ТЦ чуть поодаль от дороги, на отдельной овальной лужайке, с вывесками “Диллардс”, и “Сакса”, и нового “Нордстрома”. Лекси никогда не слышала выражения “отбеленное место”, а услышав, ужаснулась бы. Но, даже наведив и “Гэп”, и “Экспресс”, и “Боди шоп”, Пёрл купила только претцель и банку бальзама для губ со вкусом киви.

– Ничего не понравилось? – спросила Лекси.

Пёрл – у нее было всего семнадцать долларов, и она знала, что у Лекси двадцатка в неделю, – замялась.

– Там всё как с конвейера, – в конце концов сказала она. И обвела рукой “Чик-фил-Э” и торговый центр за ним. – В школе все как клоны. – Она пожала плечами и покосилась на Лекси – убедительно получилось? – Я люблю другие места. Где вещи, которых ни у кого нет.

Тут Пёрл осеклась и уставилась на бело-голубую сумку “Гэп” на шнурках, болтавшуюся у Лекси на локте, – испугалась, что Лекси обидится. Но Лекси обижалась редко – даже и не припомнить такого: от мелкой сеточки ее мозговых извилин отскакивали тонкие намеки и подтексты. Лекси склонила голову набок.

– Это какие, например, места? – спросила она. И Пёрл объяснила, как по Нортфилд-роуд мимо ипподрома доехать до благотворительной лавки, где вместе с ними рылись в вещах женщины, которым выпал обеденный перерыв в закусочной “Тако Белл” или предстояла ночная смена. За свою жизнь Пёрл побывала в десятках благотворительных лавок в десятках городов, и отчего-то все они пахли одинаково – сладкой пылью, – и она была уверена, что другие ребята чувт этот запах, даже после двух стирок, будто он впитывается прямо ей в кожу. Эта лавка, где Пёрл с матерью откопали в корзинах старые простыни на занавески, исключением не была. Но когда Лекси восторженно взвизгнула, Пёрл посмотрела на лавку новыми глазами: здесь найдется вечернее платье

шестидесятых для осеннего бала, медицинская форма для дремотных домашних дней, всевозможные старые концертные футболки, а если повезет – клеша, настоящие клеша, не возрожденное ретро из каталога “Дилии”[15 - “Дилия” (Delia's Inc., с 1994) – американская компания, по каталогам (а затем через интернет) продающая одежду и аксессуары для девочек – детей и подростков.], а реальные клеша, с широченными штанинами, у которых джинса на коленках истерта до полупрозрачности десятилетиями носки.

– Винта-аж, – вздохнула Лекси и благоговейно зарылась в вещи на вешалке. Вместо блузок и хипповых юбок, которые всегда покупала ей Мия, Пёрл добыла грудку чудных футболок, юбку из старых “ливайсов”, темно-синее худи на молнии. Она показала Лекси, как читать ценники (по вторникам полцены – зеленый, по средам – желтый), а когда Лекси нашла подходящие джинсы, Пёрл мастерски отколупала оранжевый ценник и поменяла его на зеленый, с уродского полиэстерного блейзера восьмидесятых. Под командованием Пёрл джинсы подешевели до 4 долларов, весь ее пакет – до 13,75 доллара, и Лекси так возрадовалась, что заехала в автокафе “Вендиз” и купила им обеим по “фрости”.

– Эти джинсы прямо для тебя созданы, – оплатила ей Пёрл за доброту. – Они были тебе суждены.

Лекси подождала, пока шоколад растает на языке.

– Знаешь что? – сказала она, полуприкрыв глаза, словно четче фокусируясь на Пёрл. – К этой юбке отлично пойдет полосатая рубашка. У меня есть старая, могу отдать.

Дома Лекси вытащила из гардероба полдюжины рубашек.

– Видишь? – сказала она, разгладив на Пёрл воротник, аккуратно застегнув одну-единственную пуговку между грудей, в режиме минимальной скромности, как в тот год носили все старшеклассницы. Развернула Пёрл к зеркалу и одобрительно кивнула. – Забирай. На тебе смотрится миленько. Мне и так одежду девать некуда.

Пёрл запихала рубашки в пакет. Если мать заметит, решила она, скажу, что они тоже из лавки. Она сама не знала, почему решила, что мать не одобрит

наследование старых тряпок Лекси, хотя Лекси они и не нужны. Мия, отправляя вещи в стирку, заметила, что рубашки пахнут “Тайдом” и духами, а не пылью, что они свежие, будто поглаженные. Но ни слова не сказала, а на следующий вечер вся новая одежда Пёрл лежала в изножье постели аккуратной стопкой, и Пёрл с облегчением перевела дух.

Несколько дней спустя в кухне Ричардсонов Пёрл, облачившаяся в одну из рубашек Лекси, заметила, что Трип снова и снова искоса на нее поглядывает, и с крохотной самодовольной улыбочкой поправила воротник. Трип и сам не знал, отчего косится на Пёрл, но поневоле замечал песочные часы наготы, открытые рубашкой: голый треугольник под ключицами, голый треугольник живота с неглубокой впадинкой пупка, прерывистые вспышки темно-синего бюстгалтера над и под единственной застегнутой пуговицей.

– Хорошо сегодня выглядишь, – сказал он, словно только что ее заметил, и Пёрл густо порозовела, до самых корней волос. Трип, кажется, тоже смутился, будто сознался в пристрастии к совсем отстойной телепередаче.

Сплин это ему с рук не спустил.

– Она всегда хорошо выглядит, – вмешался он. – Иди ты, Трип.

Впрочем, Трип, по своему обыкновению, раздражения брата не заметил.

– В смысле, особенно хорошо, – пояснил он. – Эта рубашка тебе идет. Подчеркивает глаза.

– Это рубашка Лекси, – выпалила Пёрл, и Трип ухмыльнулся.

– Тебе она идет больше, – сказал он почти застенчиво и удалился из дома.

Назавтра Сплин совершил набег на свои сбережения и преподнес Пёрл блокнот – тонкий черный “молескин” на резинке.

– Хемингуэй точно в таких же писал, – сообщил Сплин, а Пёрл поблагодарила и спрятала блокнот в сумку на молнии.

Она перепишет туда свои стихи, думал Сплин, выбросит эту убогую тетрадку на пружинке, и слегка утешался – когда она улыбалась Трипу или вспыхивала от его комплиментов: зато он, Сплин, подарил ей блокнот, где живут ее любимые слова и мысли.

На следующей неделе миссис Ричардсон решила пропарить ковры, и детям было велено до ужина домой не приходиться.

– Если я увижу на коврах хоть один след ботинка, Иззи, или кроссовки, Трип, вы, в свою очередь, не увидите карманных денег год. Все понятно?

Трип уехал на футбольный матч, Иззи ушла на скрипку, но так вышло, что Лекси заняться было нечем. У Сирины Вон тренировка по кроссу, у всех остальных друзей тоже дела. После десятого урока Лекси отыскала Пёрл у шкафчиков.

– Чем занимаешься? – спросила Лекси, уронив в ладонь Пёрл белый кругляш жвачки. – Ничем? Поехали к тебе.

Прежде Пёрл неохотно приглашала друзей в гости: квартиры были тесные и загроможденные, нередко в захудалых районах, и всегда велик шанс, что Мия работает над очередным проектом – то есть, с точки зрения стороннего наблюдателя, необъяснимо занята бог знает чем. Но Лекси подошла сама, Лекси просится в гости, Лекси хочет потусоваться с Пёрл – как будто принц протянул руку Золушке.

– Поехали, – ответила Пёрл.

К ее восторгу – и к великой досаде Сплина, – они втроем забрались в “эксплорер” Лекси и, оглушая прохожих “Ти-Эл-Си” [16 - “Ти-Эл-Си” (TLC, 1990–2005) – американская девичья R&B-группа.] из открытых окон, покатали по Паркленд-драйв на Уинслоу. Когда подъехали к дому, Мия, как раз поливавшая азалии во дворе, еле подавила нежданный, но неодолимый порыв отбросить шланг, вбежать в дом и запереть дверь. Пёрл никогда не приглашала друзей – и Мия тоже не водила в дом чужаков. Не дури, сказала себе Мия. Ты же этого хотела, да? Чтобы у нее были друзья. Когда дверцы “эксплорера” открылись и из машины высыпали три подростка, Мия уже выключила воду и улыбалась гостям.

Она разогревала попкорн – любимое блюдо Пёрл и единственный перекус в серванте – и гадала, захромает ли при ней беседа. А вдруг они будут сидеть в неловком молчании и Лекси больше не захочет приезжать? Но когда в крышку кастрюли застучали первые зерна, три подростка уже успели обсудить новую машину Энтони Брекера – древний “фольксваген-жук”, выкрашенный лиловым; и как Мег Кауфман на той неделе пришла в школу пьяной; и насколько лучше Анна Ламонт выглядит с выпрямленными волосами; и надо ли “Индейцам” менять эмблему (“Вождь Ваху, – сказала Лекси, – это голимый расизм”). Разговор застопорился, лишь когда зашла речь о подаче документов в колледж. Тряся кастрюлю, чтобы попкорн не пригорел, Мия услышала стон Лекси и глухой бум – вероятно, лоб треснулся о столешницу.

Поступление в колледж мучило Лекси все больше. В Шейкер-Хайтс к вузам относились серьезно: рейтинг поступлений в округе – девяносто девять процентов, и почти все школьники куда-нибудь поступали. Все вокруг подали документы заранее, и в Комнате Отдыха только и болтали о том, кто куда идет. Сирина Вон собиралась в Гарвард. Брайан, поведала Лекси, грезит о Принстоне. “Можно подумать, Клифф и Клэр меня еще куда-нибудь пустят”, – говорил он. На самом деле родителей Брайана звали Джон и Дебра Эйвери, но отец его был врач, а мать адвокат, и, правду сказать, они и впрямь были такие, в духе Косби[17 - Клифф и Клэр Хакстебл – персонажи ситкома компании NBC “Шоу Косби” (The Cosby Show, 1984–1992), созданного американским комиком Биллом Косби, врач и адвокат соответственно, сыгранные Биллом Косби и Филишей Рашад.]: отец в свитере и дружелюбный, мать остроумна, компетентна и спуску не дает. Они познакомились студентами в Принстоне, и у Брайана были младенческие фотографии, на которых он в ползунках с надписью “Принстон”.

У Лекси прецеденты не так ясны: мать выросла в Шейкер-Хайтс и далеко не уезжала – только до Денисона, откуда затем вернулась бумерангом. Отец родился в маленьком городке в Индиане и, познакомившись с матерью в колледже, взял и остался, переехал в ее родной город, защитился в Университете Кейс Вестерн Резерв, поднялся от младшего юрисконсульта до партнера в одной из крупнейших юридических фирм города. Но Лекси, как и большинство ее одноклассников, хотела убраться из Кливленда куда подальше. Кливленд ютился на берегу мертвого грязного озера, а озеро питала река, знаменитая тем, что умудрялась гореть; Кливленд построили на реке, чье имя во французском означало шероховатую кожу, а в английском – огорчение: Шагренъ. В честь реки назвали все остальное – разбросали по городу очаги агонии, прошили его жилами смятения: Шагренъ-фоллз, Шагренъ-бульвар, природный парк “Шагренъ”. Недвижимость “Шагренъ”. Автосервис “Шагренъ”. Эта шагренъ

плодилась и размножалась – можно подумать, вот-вот наступит дефицит. Ошибка на Озере – так порой называли этот город, и Лекси, как и остальные младшие Ричардсоны, считала, что из Кливленда надлежит бежать.

Срок приближался, и Лекси решила заранее подать документы в Йель. Там хорошая театральная программа, а Лекси в том году сыграла главную роль в мюзикле, хотя и училась тогда только в одиннадцатом классе. При всем напускном легкомыслии, она была почти в голове класса – формально в Шейкер-Хайтс учеников не ранжировали, чтобы сгладить конкуренцию, но Лекси знала, что она где-то в первой двадцатке. Она взяла четыре углубленных курса и была секретарем Французского клуба.

– Пусть ее поверхностность тебя не обманывает, – объяснил Сплин Пёрл. – Знаешь, почему она по полдня телик смотрит? Потому что она успевает сделать уроки за полчаса перед сном. Раз – и готово. – И он щелкнул пальцами. – У Лекси хорошие мозги. Просто в реальной жизни она их не всегда включает.

Йель – не самый очевидный ход, но шансы велики, сказала Лекси профориентолог.

– И к тому же, – прибавила миссис Либерман, – там знают, что ребята из Шейкер всегда многого добиваются. У тебя будет преимущество.

Лекси и Брайан встречались с одиннадцатого класса, и ей нравилось, что до него можно будет добраться на поезде.

– Будем друг к другу мотаться, – заметила ему Лекси, распечатывая заявление в Йель. – Сможем даже встречаться в Нью-Йорке.

Вот этот аргумент и убедил ее окончательно – Нью-Йорк, в ее фантазиях дышавший гламурным обаянием с тех самых пор, как она в детстве прочла “Элоизу” [18 - “Элоиза” (Eloise, 1955–1959, 2002) – серия детских книг американской писательницы и музыканта Кей Томпсон с иллюстрациями Хилари Найт про девочку, которая живет в “Плаза-отеле” в Нью-Йорке с няней, собакой и черепахой; по одной из версий, персонаж был вдохновлен Лайзой Миннелли.]. Лекси не хотела учиться в Нью-Йорке – профориентолог подкинула идею насчет Коламбии, но Лекси слыхала, что райончик там сомнительный. Однако съездить на денек приятно – посмотреть картины утром в Метрополитен, или, может,

потранжирить деньги в “Мейсиз”, или даже провести с Брайаном выходные – а потом метнуться прочь от толп, и грязи, и шума.

Но для начала нужно написать сочинение. Хорошее сочинение, твердо сказала миссис Либерман, выделит Лекси из толпы.

– Вы послушайте, какая тупая тема, – простонала Лекси в кухне у Пёрл, выуживая распечатанное заявление из сумки. – “Перепишите известный сюжет с другого ракурса. Например, перескажите «Волшебника страны Оз» с точки зрения Злой Ведьмы”. Это же заявка в колледж, а не писательский семинар. У меня в школе углубленный английский. Ну вы хотя бы задайте мне нормальное сочинение.

– Может, сказку? – предложил Сплин. Он оторвался от тетради и открытого учебника по алгебре. – “Золушку” с точки зрения сводных сестер. Вдруг они не такие уж и злые? Вдруг это она травила их.

– “Красную Шапочку” с точки зрения волка, – вставила Пёрл.

– Или “Румпельштильцхен”, – задумчиво сказала Лекси. – Дочь мельника, она же его надула. Он ей прятал-прятал, она ему ребенка обещала, а потом взяла и обманула. Может, это она злодейка. – Бордовым ногтем Лекси постучала по крышке диетической колы, купленной после школы, и вскрыла банку. – Тогда нечего было и обещать, раз отдавать не хотела.

– Кто его знает, – внезапно встряла Мия. Она развернулась к ним с миской попкорна в руках, и все трое подпрыгнули, точно с ними заговорила мебель. – Может, она не сразу поняла, от чего отказывается. Может, увидела ребенка и передумала. – Мия поставила миску посреди стола. – Не суди с наскака, Лекси.

Лекси на миг устыдилась, потом закатила глаза. Сплин стрельнул взглядом в Пёрл: “Видишь? Поверхностная”. Но Пёрл не заметила. Когда Мия, смутившись своей вспышки, ушла в гостиную, Пёрл повернулась к Лекси.

– Я могу помочь, – сказала она тихо, думая, что Мие не слышно. А спустя миг сочла, что этого маловато: – Истории я умею. Могу даже тебе написать.

- Правда? - просияла Лекси. - Господи, Пёрл, я перед тобой в долгу навеки.

И она бросилась Пёрл на шею. Сплин решил забить на уроки и с грохотом захлопнул учебник, а в гостиной Мия, поджав губы, ткнула кистью в банку с водой, и краску смыло с щетины вихриком цвета грязи.

6

Пёрл сдержала слово и на следующей неделе вручила Лекси отпечатанное сочинение - историю короля-лягушонка с точки зрения лягушонка. Ни Мия, не желавшая признаваться, что подслушивала, ни Сплин, который не хотел, чтоб его обзывали пай-мальчиком, не сказали ни слова. Но обоим все отчетливее становилось не по себе. Когда Сплин утром перед школой заходил за Пёрл, она появлялась из комнаты в рубашке Лекси, или в ее топе на бретельках, или с темно-красной помадой.

- Мне Лекси дала, - объясняла она, равно матери и Сплину, и оба глядели на нее в смятении. - Она сказала, для нее слишком темная, а мне идет. Потому что у меня волосы темнее.

Под пятном помады губы у нее были как синяк, нежные и воспаленные.

- Смой, - впервые в жизни велела Мия.

Но на следующее утро Пёрл вышла в колье Лекси - точно черный кружевной рубец вокруг шеи.

- Я приду к ужину, - сказал Пёрл. - Мы с Лекси после школы по магазинам.

Документы в колледж отсылались и отсылались, и к концу октября в двенадцатом классе воцарился праздничный дух. Лекси тоже подала документы и пребывала в благодушном настроении. Сочинение у нее - спасибо Пёрл - получилось, результаты экзаменов хороши, средний балл выше 4,0 - спасибо углубленным курсам, - и она уже воображала себя в кампусе Йеля. Надо бы как-то вознаградить Пёрл за помощь, решила Лекси и, поразмыслив, придумала

идеальную награду: наверняка Пёрл понравится, но сама она приглашения не получит ни за что.

– У Стейси Перри тусовка в эти выходные, – сказала Лекси. – Хочешь пойти?

Пёрл замаялась. О тусовках у Стейси Перри она слыхала, и попасть туда было очень соблазнительно.

– Не знаю – если мама разрешит.

– Да ладно тебе, – сказал Трип, перегнувшись через подлокотник дивана. – Я пойду. Мне же нужно там с кем-то танцевать.

После чего уговоры уже не требовались.

В средней школе Шейкер-Хайтс о тусовках у Стейси Перри ходили легенды. Мистер и миссис Перри жили в большом доме, часто бывали в разъездах, и Стейси пользовалась этим на всю катушку. После ранней подачи документов нервы у всех поуспокоились, и старшие намеревались повеселиться. Всю неделю только и разговоров было, что о вечеринке на Хэллоуин: кто идет, кто не идет?

Сплина и Иззи, естественно, не пригласили; Стейси Перри оба знали понаслышке, а в списке приглашенных значились в основном двенадцатиклассники. Пёрл, невзирая на участие Лекси, так и не познакомилась почти ни с кем, кроме Ричардсонов, и нередко в школе общалась только со Сплином. Однако и Лекси, и Сирину Вон пригласила Стейси лично, и они вправе были привести гостя – даже десятиклассницу, которую толком никто не знал.

– А я думал, мы “Кэрри” в прокате возьмем, – проворчал Сплин. – Ты говорила, что не смотрела.

– В следующие выходные, – пообещала Пёрл. – Это же и будет настоящий Хэллоуин. Если, конечно, ты не хочешь пойти по домам просить конфеты.

– Это мы уже переросли, – ответил Сплин.

Как и во всем, насчет Хэллоуина в Шейкер-Хайтс имелись правила: в шесть и восемь выли сирены, отмечавшие начало и конец процедуры, и хотя формальных возрастных ограничений не было, на заявившихся под дверь подростков люди смотрели косо. В последний раз Сплин ходил по домам в одиннадцать лет – нарядился тогда M&M's.

Однако для вечеринки у Стейси костюм был de rigueur[19 - Обязателен (фр.)]. Брайан идти не собирался – затянул с подачей документов в Принстон и вместе с горсткой других тормозов лихорадочно заканчивал к последнему сроку, – так что его в расчет не брали.

– Давайте Ангелами Чарли! – в припадке вдохновения вскричала Лекси, поэтому и она, и Сирина, и Пёрл нарядились в клеша и полиэстерные блузы, а волосы зачесали как можно выше.

До невозможности раздув прически, они попозировали перед зеркалом в дымке лака для волос – спина к спине, тыча пальцами, как пистолетами.

– Идеально, – одобрила Лекси. – Блондинка, брюнетка и черная. – И она наставила палец на нос Пёрл: – Ну что, ты готова повеселиться?

Разумеется, верный ответ – нет. Пёрл в жизни не выпадало таких запредельных ночей. Весь вечер у кромки гигантского газона перед домом Стейси парковались машины – со скейтбордистами, и зверями, и Фредди Крюгерами за рулем. Минимум четверо парней надели маски из “Крика”; двое-трое облачились в футбольные куртки и шлемы; немногочисленные творческие личности явились в сюртуках, и федорах, и черных очках, и боа из перьев. (“Сутенеры”, – пояснила Лекси.) Девчонки в основном надели минималистичные платья и шляпки или звериные ушки; впрочем, одна преобразилась в Принцессу Лею, а другая, переодевшись фемботом, висла на локте Остина Пауэрса[20 - В пародийной кинотрилогии Джея Роуча про супершпиона Остина Пауэрса (1997, 1999, 2002) с Майком Майерсом в нескольких ролях фемботы – гиперсексуальные роботы, разработанные как оружие против главного героя, блондинки с дулами пистолетов, торчащими из сосков.]. Сама Стейси была ангелом: серебристое мини-платье на бретельках, блестящие крылья, колготки-сеточки и нимб из обруча для волос.

Лекси, Пёрл и Сирина прибыли к половине десятого, когда все уже напились. Воздух загустел от пота и едкой пивной кислятины, по темным углам терлись парочки. Пол в кухне был липкий; какая-то девица лежала навзничь на столе среди полупустых бутылок, курила косяк и хихикала, а какой-то мальчик вылизывал ром у нее из пупка. Лекси и Сирина налили себе выпить и ввинтились в толчею на танцполе в гостиной. Пёрл в одиночестве осталась в углу кухни – обниматься с красным пластиковым стаканом “Столичной” с колой и выглядывать Трипа.

Спустя полчаса она заметила его в патио – Трип оделся дьяволом, в красном блейзере из благотворительной лавки и с дьявольскими рогами.

– Я даже не знала, что он знаком со Стейси, – прокричала Пёрл в ухо Сирина, когда та вернулась за добавкой.

Сирина пожала плечами:

– Стейси говорит, она его как-то увидела без рубашки после тренировки и решила, что он хорош. Она сказала – цитирую, – что он бомба. – Она отпила из стакана и хихикнула. Лицо ее, отметила Пёрл, горело. – Не рассказывай Лекси, ладно? Она сблюет.

И Сирина зашагала назад в гостиную, слегка пошатываясь на танкетках, а Пёрл сквозь раздвижные стеклянные двери посмотрела, как Трип пластмассовыми вилами тычет какую-то рыжую девчонку между лопаток. Пёрл взбила волосы и составила план. Вскоре стакан у Трипа опустеет. Трип зайдет в кухню и увидит Пёрл. “Как жизнь, Пёрл?” – скажет он. И в ответ она скажет что-нибудь умное. Что бы это могло быть? Что сказала бы Лекси мальчику, который ей нравится?

Но, перебирая знойные и остроумные варианты, она заметила, что Трип куда-то пропал. Зашел в дом или уже свалил? Пёрл протолкалась в гостиную, держа стакан повыше, – никого не разглядишь. В магнитофоне грохотали Пафф Дэдди с Мейсом[21 - Пафф Дэдди (Puff Daddy, Шон Джон Комз, р. 1969) – американский рэпер, актер и продюсер. Мейс (Mase, Мейсон Дрелл Бета, р. 1975) – американский рэпер, автор песен, затем священник и проповедник; в 1996–1999 гг. записывался на студии Комза Bad Boy Records.], пульсируя басом так громко, что Пёрл чувствовала его горлом; затем магнитофон притих и перешел к Бигги[22 - Бигги (The Notorious B. I. G., Кристофер Джордж Латор

Уоллес, 1972–1997) – американский рэпер, одна из крупнейших звезд жанра.]. Освещалось все это лишь редкими свечами, и Пёрл различала только силуэты, что извивались и категорически нецеломудренно терлись друг о друга. Она протиснулась на задний двор, где стайка парней заливала в себя пиво банками и спорила о шансах своей команды на отборочных по американскому футболу.

– Если мы выиграем у Игнатия, – орал один, – а Университи – у Ментора...

Тем временем у Лекси случилась грандиозная ночь. Танцевать она обожала, с Сириной и другими подругами ездила в город всякий раз, когда в каком-нибудь клубе проводили вечер для подростков, – или если можно проскочить мимо вышибалы с липовыми документами, где они значились третьекурсницами. Как-то раз они просочились на рейв на заброшенном складе во Флэтс и танцевали до трех ночи, и на шеях и запястьях у них горели ободки. Сирина с Лекси часто танцевали вместе – непринужденно, две девчонки, которые знают друг друга больше половины жизни, бедро к бедру или лобок к лобку, и Лекси выгибалась и терлась о Сирину задом. Сегодня они танцевали вдвоем, и тут кто-то прижался к Лекси сзади. Оказалось, Брайан, и Сирина отвернулась, многозначительно ей ухмыльнувшись.

– Ты даже не в костюме, – возмутилась Лекси, захватив ему по плечу.

– Я в костюме, – возразил Брайан. – Я человек, который только что отослал документы в Принстон. – Он обхватил Лекси за талию и прижался губами к ее шее.

Спустя полчаса оба были в лихорадочном жару от танцев, и алкоголя, и сладкой головокружительности восемнадцати лет. С тех пор как они встречались, они уже кое-что делали, как Лекси уклончиво говорила Сирине, но это, главное это разделяло их, точно глубокий бассейн, куда они разве что опускали пальчики. Сейчас, прижимаясь к Брайану, разгорячившись от рома с колой, чувствуя, как музыка пульсирует в их телах одним на двоих сердцебиением, Лекси вдруг захотелось погрузиться в этот бассейн – и нырнуть до самого дна. Когда Лекси была моложе и не такая опытная, она воображала свой первый раз. Все спланировала: свечи, цветы, “Бойз ту Мен”[23 - “Бойз ту Мен” (Boyz II Men, с 1985) – американская вокальная R&B-группа.] на CD-проигрывателе. Уж по меньшей мере – спальня и кровать. Не заднее сиденье машины, как у некоторых подруг, и уж точно не школьная лестница, как, по слухам, у Кендры Соломон. А теперь Лекси поняла, что ей все это по барабану.

– Хочешь, прокатимся? – предложила она. Оба понимали, что она предлагает.

Не обменявшись ни словом, они выбежали к обочине, где ждала машина Лекси.

К тому времени Пёрл вернулась в свой угол на кухне – ждать, когда снова появится Трип. Но Трип не появился – ни к половине одиннадцатого, ни к одиннадцати. Проходил час за часом, опустошалась бутылка за бутылкой, вечеринка дичала и кричала все громче. В начале первого Стейси Перри, наливая себе воды в стакан, сблевала в кувшин, и Пёрл решила, что пора домой. Но Лекси она не нашла, даже пробившись сквозь пульсирующую массу тел в гостиной. А выглянув наружу, не поняла, стоит ли “эксплорер” Лекси в неровном ряду машин.

– Лекси не видели? – спрашивала она всех, кто хоть отдаленно смахивал на трезвого. – А Сирину?

Большинство выкатывали глаза, будто тщились вспомнить, кто она такая.

– Лекси? – переспрашивали они. – А, Лекси Ричардсон? Ты пришла с ней?

В конце концов одна девчонка, растянувшаяся на коленях у футболиста в большом кресле, сказала:

– По-моему, она со своим парнем уехала. Да, Кев? Кев в ответ мясистыми руками взял ее за лицо, притянул ее губы к своим, и Пёрл отвернулась.

Она не вполне понимала, где находится, а от водки и без того условная карта Шейкер-Хайтс в голове помутилась еще больше. Можно отсюда добраться до дома пешком? Долго идти? Как эта улица-то называется? Пёрл позволила себе минутку пофантазировать. Вот бы Трип шагнул сейчас в дом сквозь раздвижные стеклянные двери, и вслед за ним в кухню ворвалась холодная свежесть. “Тебя подвезти?” – спросил бы Трип.

Но, разумеется, ничего такого не произошло, и в конце концов Пёрл умыкнула беспроводной телефон с кухонной столешницы, шмыгнула во двор к гаражу, где было потише, и позвонила Сплину.

Спустя двадцать минут к дому Стейси подкатила машина. Пассажирское окно опустилось, и со своего места на парадном крыльце Пёрл разглядела хмурого Сплина.

- Залезай, - только и сказал он.

Салон в машине был сплошь обит мягчайшей кожей - она гладила бедра Пёрл, будто человеческая.

- Это чья машина? - глупо спросила Пёрл, когда они отъезжали.

- Мамина, - ответил Сплин. - И, предваряя твой вопрос: она спит, так что давай не тормозить.

- Но у тебя же еще нет прав.

- "Мне можно" и "я умею" - две разные вещи. - Сплин свернул на Шейкер-бульвар. - Ну, ты сильно пьяная?

- Я выпила один стакан. Я не пьяная. - Еще не договорив, Пёрл засомневалась, правда ли это - водки в стакане было немало. Голова кружилась, и Пёрл закрыла глаза. - Я просто не знала, как добраться домой.

- Машина Трипа, между прочим, там еще стояла. Мы ее проехали. Чего ж ты не попросила его?

- Я его не нашла. Никого не могла найти.

- Небось наверху с девчонкой какой-нибудь.

Некоторое время они ехали молча, и слова эти ворочались у Пёрл в голове: "наверху с девчонкой какой-нибудь". Она попыталась вообразить, каково это, что происходит в этих темных комнатах, представила, как к ней прижимается тело Трипа, и ее залило красным жаром. Судя по часам на приборной доске, дело близилось к часу ночи.

– Вот теперь ты понимаешь, – сказал Сплин. – Какие они. – Возле квартала Мии и Пёрл он выключил фары, подкатил к тротуару. – Мама твоя рассердится.

– Я сказала, что буду с Лекси, а она сказала, что мне можно до двенадцати. Я не очень опоздала. – Пёрл глянула на горящее окно кухни. – От меня воняет?

Сплин склонился ближе.

– От тебя немножко пахнет дымом. А вот бухлом не пахнет. На. – И он вытащил из кармана пачку “Трайдента”.

По словам всех очевидцев, хэллоуинская вечеринка продлится до четверти четвертого утра и под конец кое-кто отрубится на восточном ковре у Перри в гостиной. Лекси прокрадется домой в полтретьего, Трип – в три, и на завтра оба проспят за полдень. Позже Лекси извинится перед Пёрл и исповедуется шепотом: они с Брайаном давно думали, а ночью им показалось, что пора, и... ну, она не знает, просто хотела кому-то рассказать, она даже Сирине еще не говорила, а она теперь иначе выглядит? И Пёрл решит, что да, Лекси выглядит иначе – худее, резче, волосы забраны в вислый хвост, в уголках глаз остались мазки туши и блеска; в крохотной складочке у нее между бровей Пёрл различит, какой станет Лекси через двадцать лет, – похожей на мать. И с того дня Пёрл будет казаться, что каждый жест, каждый поступок Лекси окрашен сексом – некая умудренность в смехе, и косые взгляды, и беспечная манера всех трогать за плечо, за руку, за коленку. Это расслабляет, решит Пёрл, это растормаживает.

– А ты как? – наконец спросит Лекси, пожав ей локоть. – Домой нормально добралась? Весело было?

И Пёрл в ответ лишь осторожно – ибо только что обожглась – молча кивнет.

А сейчас она вышелушила жвачку из обертки и сунула в рот, и на языке распустилась мята.

– Спасибо.

* * *

Вопреки заверениям Пёрл – мол, Мия на опоздание не рассердится, – Мия рассердилась очень сильно. Когда Пёрл наконец поднялась в квартиру – воняя дымом, и алкоголем, и еще чем-то (Мия была плюс-минус уверена, что травой), – Мия не знала, что сказать.

– Иди в постель, – наконец выдавила она. – Поговорим утром.

Настало утро, Пёрл проспала, а когда поднялась около полудня, взлохмаченная и с резью в глазах, Мия так и не придумала, что сказать. Ты же хотела, чтобы у Пёрл была нормальная жизнь, напомнила себе она; ну вот, пожалуйста, подростки так и живут. Надо бы, наверное, включиться активнее – быть в курсе, что творится с Пёрл, что творится с Лекси, что творится с ними со всеми, – но как? Таскаться с ними на вечеринки и хоккей? Запрещать Пёрл выходить из дому? В итоге Мия так ничего и не сказала, а Пёрл безмолвно проглотила ложку хлопьев и вернулась в постель.

Вскоре, однако, случай представился сам. Во вторник после тусовки у Стейси Перри на Уинслоу-роуд заехала миссис Ричардсон.

– Вы обжились – я хотела посмотреть, не нужно ли вам чего, – пояснила она, но Мия видела, как взгляд ее блуждает по кухне и утекает в гостиную.

Мия не впервые сталкивалась с такими визитами (невзирая на прописанные в договоре “ограниченные права посещения”) и попыталась, чтобы миссис Ричардсон лучше было видно. Миновало почти четыре месяца, но мебели в квартире не прибавилось. В кухне – два разномастных стула и стол-книжка без одной откидной секции (все найдено на обочине); в комнате Пёрл – узкая кровать и комод с тремя ящиками; у Мии – по-прежнему только матрас на полу и штабеля одежды в кладовке. В гостиной – рядок подушек на полу, обернутый яркой цветастой скатертью. Но линолеум на кухне оттерт, плита и холодильник блестят, ковролин без единого пятнышка, а матрас Мии застелен свежими полосатыми простынями. Обстановка скудна, но квартира не казалась пустой. “Можно мы тут покрасим?” – спросила Мия, когда они въезжали, и миссис Ричардсон, помявшись, ответила: “Только чтобы не очень темно”. Она подразумевала, что не надо черного, темно-синего, красно-бурого, но назавтра сообразила, что, может, Мия имела в виду фрески – она же все-таки художница – и в итоге получится Диего Ривера[24 - Диего Ривера (1886–1957) – мексиканский художник-муралист левого толка; в 1934 г. из-за фрески “Человек на перепутье”

(Man at the Crossroads), заказанной Ривере для Рокфеллер-центра, разразился скандал, поскольку на ней он изобразил Ленина и парад на Первое мая.] или претенциозные граффити, которым грош цена в базарный день. Но нет, никаких фресок. Каждая комната своего цвета – кухня солнечно-желтая, гостиная густого оттенка мускусной дыни, спальни тепло-персиковые; вся квартира – будто шкатулка солнечного света, даже в пасмурный день. И повсюду висели фотографии – без рамок, прилепленные клейкой массой и все равно потрясающие.

Этюды с тенями на кирпичной стене, груды перьев, сбившиеся у берега озера Шейкер, эксперименты Мии с печатью на разных поверхностях – на кальке, на фольге, на газетах. Одна серия растянулась по всей стене – многонедельная съемка на ближайшей стройке. Сначала ничего, только бурый холмик на фоне бурой пустоты. Постепенно, кадр за кадром, холмик зеленел сорняками, покрывался косматой травой и прочей порослью, и наконец к макушке холмика цеплялся кустик. Позади холмика медленно рос трехэтажный бежевый дом – точно громадная зверюга выбиралась из-под земли. Фронтальные погрузчики и самосвалы возникали и пропадали, точно призраки, которые не подозревают, что на них смотрят. На последней фотографии бульдозер ровнял землю, выглаживал почву, расплющивал пейзаж – словно мыльный пузырь лопнул.

– Батюшки, – сказала миссис Ричардсон. – Это всё ваши?

– Иногда нужно поглядеть, как они смотрятся на стене. Тогда ясно, получилось ли. И ясно, какие мне нравятся.

Мия оглянулась на фотографии, будто на старых друзей – будто воскрешала в памяти их лица.

Миссис Ричардсон взгляделась в снимок угрюмой девочки в ковбойском костюме. Мия щелкнула ее на параде по дороге в Огайо.

– У вас замечательный портретный дар, – сказала миссис Ричардсон. – Надо же, как вы ее уловили. Почти в душу ей заглядываешь.

Мия ничего не ответила, но кивнула, – это из скромности, решила миссис Ричардсон.

– Вам бы заняться портретами профессионально, – посоветовала она. Осеклась. – Я не в том смысле, что вы не профессионал, разумеется. Но может, в студии. Или на свадьбах и помолвках. За вами гоняться будут. – Она обмахнула рукой фотографии на стене, точно они лучше объяснят ее мысль. – Более того – может быть, вы сделаете портреты нашей семьи? Я вам, разумеется, заплачу.

– Может быть, – сказала Мия. – Но с портретами беда в том, что надо показывать людей, какими они хотят выглядеть. А я люблю показывать людей, какими их вижу я. Скорее всего, в итоге я нас всех только расстрою.

Она безмятежно улыбнулась, и миссис Ричардсон не нашлась с ответом.

– А ваши работы продаются? – спросила она.

– У моей подруги галерея в Нью-Йорке, кое-что она продает. – Мия погладила одну фотографию, пальцем обвела изгиб проржавевшего моста.

– Тогда я хочу купить, – сказала миссис Ричардсон. – Более того, я настаиваю. Если не поддерживать наших художников, как им творить великое искусство?

– Это весьма великодушно.

Взгляд Мии на мгновение скользнул в окно, и миссис Ричардсон уколола досада – как-то вяловат отклик на ее филантропию.

– И финансово вы справляетесь? – спросила она. Мия верно трактовала это как вопрос об аренде квартиры и своей способности за нее платить.

– Мы всегда справлялись, – ответила она, – так или иначе.

– Но ведь наверняка фотографии продаются не всегда. Не по вашей вине, разумеется. А сколько обычно стоит фотография?

– Мы всегда справлялись, – повторила Мия. – Если надо, я подрабатываю. Уборщицей в домах, поваром на кухне. В таком духе. Сейчас на полставки во “Дворце удачи”. Китайский ресторан на Уорренсвилл. У меня не бывало долгов, которых я не возвращала.

– Да нет, конечно, я совсем не это имела в виду, – вознегодовала миссис Ричардсон.

И перевела взгляд на самый большой отпечаток, в одиночестве прилепленный над каминной полкой. Женщина – спиной к камере, танцует. Пленка запечатлела ее в размазанном движении – сплошные руки: закинута над головой, прижаты к бокам, подогнуты к талии, путаница рук, и женщина, в шоке сообразила миссис Ричардсон, походила на гигантского паука в дымке паутины. Это ошарашивало, ошеломляло, но она не могла отвести взгляд.

– Мне бы в голову не пришло превратить женщину в паука, – чистосердечно призналась она.

Художники мыслят не как нормальные люди, напомнила себе миссис Ричардсон и наконец воззрилась на Мию с любопытством. Миссис Ричардсон никогда в жизни таких не встречала.

Все свое земное бытие миссис Ричардсон проводила упорядоченно и единообразно. Раз в неделю взвешивалась, и хотя вес ее колебался в пределах трех фунтов, а это, уверял врач, совершенно нормально, она старательно ухаживала за собой. Каждое утро отмеряла ровно полчашки “Чириос” (размер порции указан на упаковке) цветастой пластиковой мерной чашкой, которую купила в “Хигбиз” еще новобрачной. Каждый вечер за ужином позволяла себе бокал вина – красного, в новостях говорили, что оно полезнее для сердца, – и тоненькая царапинка на бокале отмечала, докуда наливать. Трижды в неделю ходила на аэробику, всю тренировку поглядывала на часы – следила, чтобы сердцебиение не превышало сто двадцать ударов в минуту. Миссис Ричардсон с детства учили жить по правилам, верить, что, если слушаться, мир будет крутиться как надо, и она жила по правилам – и верила. У нее был план, с девичества и до упора, и она скрупулезно ему следовала: школа, колледж, парень, замужество, работа, ипотека, дети. Седан с подушками и инерционными ремнями безопасности. Газонокосилка и снегоочиститель. Стиральная машина и сушилка комплектом. Короче, она все делала правильно, построила хорошую жизнь – желанную жизнь, всем желанную. А тут эта Мия, совсем другая женщина, и у нее совсем другая жизнь, и она сама себе сочиняет правила, и ничто ее не смущает. Как и фотография танцующей паучихи, это ошеломляло, но странным образом пленяло миссис Ричардсон. Отчасти хотелось изучать Мию, с антропологических позиций, понять, зачем – и как – Мия делает то, что делает.

А отчасти – пока, впрочем, миссис Ричардсон сознавала это смутно – ей было тревожно, хотелось приглядывать за Мией, как за опасным зверем.

– У вас так чисто, – в конце концов произнесла миссис Ричардсон, пальцем проведя по каминной полке. – Надо бы нанять вас к нам.

Она рассмеялась, и Мия откликнулась вежливым эхом, но увидела, как семечко идеи уже треснуло, уже пустило росток у миссис Ричардсон в мозгу.

– Вот было бы прекрасно, да? – продолжала миссис Ричардсон. – Вы бы приходили на пару часов в день, слегка прибраться. Я бы вам, само собой, платила. И остаток дня можете снимать.

Мия подыскивала точные деликатные слова, дабы вырвать идею с корнем, но было поздно. Миссис Ричардсон уже вцепилась в свою мысль мертвой хваткой.

– Нет, ну правда. Приходите к нам. У нас раньше была одна женщина, прибиралась, к ужину кое-что готовила, но она весной вернулась в Атланту, а мне бы очень не помешала помощь. Вы бы меня прямо выручили. – И она развернулась, уставилась на Мию в упор. – Более того, я настаиваю. Ваше искусство требует досуга.

Ясно было, что от возражений толку не выйдет – от возражений выйдет хуже, от возражений выйдет вражда. Это Мия уже выучила: обычно, если человек во что бы то ни стало желает сделать добро, его не отговорить ни в какую. Она в смятении вообразила Ричардсонов, и громадный блистающий дом Ричардсонов, и какое будет лицо у Пёрл, когда ее мать посмеет ступить на эти драгоценные земли. А потом Мия вообразила, как обоснуется в царстве Ричардсонов, сольется с фоном, станет приглядывать за дочерью. Возвратится в ее жизнь.

– Спасибо, – ответила она. – Это очень великодушное предложение. Как тут отказаться?

И миссис Ричардсон просияла.

Обо всем вскоре уговорились: за триста долларов в месяц Мия будет трижды в неделю пылесосить, вытирать пыль и прибираться в доме Ричардсонов и ежевечерне готовить ужин. Вроде бы замечательная сделка – всего несколько часов работы в день в обмен на стоимость месячной аренды, – но Пёрл не обрадовалась. – Но почему она попросила тебя? – застонала она, а Мия прикусила язык и напонила себе, что дочери ее, как ни крути, всего пятнадцать.

– Потому что она хочет нам удружить, – парировала Мия, и Пёрл, по счастью, оставила эту тему.

Но про себя она ярилась, воображая, как Мия вторгнется в дом Ричардсонов – в ее пространство, пространство Пёрл. Мать будет в считанных ярдах, в кухне – слушать, наблюдать. Дневные посиделки на диване, уже понятные шуточки, даже нелепый ритуал с Джерри Спрингером – всё коту под хвост. Лишь несколько дней назад Пёрл набралась храбрости шлепнуть Трипа по руке, когда он пошутил про ее брюки. А зачем так много карманов? – поинтересовался он. – Ты что там прячешь? Сначала обхлопал карманы сбоку на коленках, потом на бедрах, а когда добрался до тех, что на задку, Пёрл шлепнула его по руке, и он, к ее влюбленному восторгу, сказал: “Да не злись, ты же знаешь, что я тебя люблю” – и обхватил ее рукой за плечи. Если в доме будет мать, Пёрл ни за что на такое не отважится – да и Трип, надо думать, тоже.

Новый быт смущал и мистера Ричардсона. Одно дело, считал он, нанимать экономку; другое – нанять знакомую, мать подруги детей. Однако он видел, что миссис Ричардсон довольна своим великодушием, спорить не стал и счел своим долгом поговорить с Ми-ей в ее первое утро в доме.

– Мы очень благодарны вам за помощь, – сказал он, когда она выволокла ведро с тряпками из-под раковины. – Это просто огромное подспорье.

Мия улыбнулась, достала бутылку “Виндекса”, ничего не ответила, и мистер Ричардсон задумался над следующей репликой.

– Как вам в Шейкер-Хайтс?

– Занятный город. – Мия сбрызнула столешницу и обмахнула губкой, сгоняя крошки в раковину. – Вы тоже здесь выросли?

– Нет, только Елена, – покачал головой мистер Ричардсон. – Я, пока с ней не познакомился, про Шейкер-Хайтс и не слыхал.

Едва приехав в Денисон, он влюбился в пылкую молодую женщину, которая собирала по кампусу подписи за отмену армейского призыва. К выпуску он влюбился и в Шейкер-Хайтс – в Шейкер-Хайтс, который описывала Елена: первое плановое, самое прогрессивное поселение, идеальный город для молодых идеалистов. В родном городке мистера Ричардсона к идеям относились настороженно: мистер Ричардсон рос в атмосфере обреченного цинизма, но верил, что мир мог бы быть и получше. Поэтому он так рвался уехать – и поэтому с первого взгляда втюрился в Элену по уши. Поступать он хотел в Северо-западный университет; его завернули, и он выбрал из своего списка единственный колледж за пределами штата, только чтоб уехать, а повстречав Элену, счел, что это вмешалась судьба. После учебы Елена собиралась вернуться домой, и чем больше рассказывала, тем сильнее мистер Ричардсон склонялся поехать с ней. Вполне естественно, казалось ему, что такой город воспитал его принципиальную невесту-перфекционистку, и после выпуска он с радостью последовал за нею в Шейкер-Хайтс.

Прошло почти двадцать лет, и их карьеры, их семья, их жизнь замечательно устаканились, мистер Ричардсон заливал в бак высококачественный бензин, натирал клюшки для гольфа, подписывал детям разрешение на лыжный поход, а студенческие дни были смутны и далеки, точно старые поляроидные снимки. Елена тоже смягчилась: конечно, по-прежнему жертвовала на благотворительность и голосовала за демократов, но долгие годы уютного пригородного бытия переменили их обоих. Радикальны они не были никогда – даже во времена протестов, сидячих забастовок, маршей, бунтов, – но теперь владели двумя домами, четырьмя автомобилями, небольшой яхтой на стоянке в центральной марине. Нанимали работника – убирать снег зимой и стричь газон летом. И, само собой, годами держали экономку – целую вереницу экономок, – и теперь появилась очередная, вот эта молодая женщина, которая стоит и ждет, когда мистер Ричардсон уйдет с кухни и можно будет прибраться в его доме.

Он опамятовался, сконфуженно улыбнулся, взял портфель. В дверях гаража замялся.

– Если эта работа перестанет вас устраивать, пожалуйста, скажите мне. Никто не обидится, честное слово.

Вскоре у Мии сложился распорядок: она приходила по утрам в восемь тридцать, вскоре после того, как все расходились на работу и в школу, и к десяти заканчивала. Потом возвращалась домой к своей фотокамере и приходила вновь к пяти вечера стряпать.

– Зачем же вам дважды мотаться? – говорила миссис Ричардсон, но Мия уверяла, что снимать лучше всего в середине дня.

Если по правде, она хотела изучать Ричардсонов – при них и без них. Каждый день Пёрл вбирала от них что-нибудь новое: оборот речи (“Я буквально чуть не умерла”), жест (отброшенные волосы, закаченные глаза). Она подросток, твердила себе Мия, она примеряет новую кожу, как все подростки; но перемены настораживали ее. Теперь она будет ежедневно видеть Пёрл в этом доме, наблюдать этих Ричардсонов, так заморозивших ее дочь. А по утрам – спокойно вести расследование в одиночестве.

Прибираясь, Мия пристально смотрела. Понимала, когда Трип завалил контрольную по математике, – по бумажным клочкам в мусорной корзине; вычисляла, когда Сплин писал песни, – по выброшенным бумажным комкам. Знала, что у Ричардсонов никто не ест корки от пиццы и побуревшие бананы, что у Лекси слабость к светским журналам и – судя по ее книжному шкафу – Чарльзу Диккенсу, что мистер Ричардсон, ночами засиживаясь в кабинете, целыми пакетами поглощает карамельные драже с кремом. Полтора часа наводя порядок в доме, она прекрасно понимала, чем заняты Ричардсоны день за днем.

Так и вышло, что спустя неделю Мия была в кухне Ричардсонов, когда в девять тридцать утра туда забрела Иззи.

Накануне Иззи перепугала, но не удивила родных, схлопотав временное отстранение от уроков. Посреди репетиции оркестра она, по словам завуча девятиклассников, об колени переломила учительский смычок и швырнула обломки учительнице в лицо. Невзирая на упорные расспросы и суровые нотации в школе и дома, Иззи так и не сообщила, что побудило ее к такому выплеску чувств. Винтажная Иззи, как выразилась Лекси: психануть неведомо с чего, выкинуть фортель, ничему не научиться. В результате после краткой беседы

матери, директора и разобиженной руководительницы оркестра Иззи отстранили от занятий на три дня. Мия мыла плиту, и тут Иззи протопала в кухню – топтать босиком она умудрялась не хуже, чем в “док-мартенсах”, – и замерла.

– Ой, – сказала она. – Это вы. Закабаленная служанка. В смысле, наша жиличка, она же уборщица.

Накануне Мия из третьих рук – от Пёрл – слышала, что произошло.

– Я Мия, – сказала она. – А ты, я так понимаю, Иззи.

Иззи устроилась на барном стуле.

– Ага, психованная.

Мия тщательно протерла столешницу.

– Мне никто ничего такого не говорил.

Она прополоскала губку и выложила на подставку сушиться.

Иззи погрузилась в молчание, а Мия принялась драить раковину. Закончив, включила духовку. Отрезала кусок от буханки в хлебнице, намазала маслом, густо посыпала сахаром и держала в духовке, пока сахар не растаял булькающей золотистой карамелью. Сверху положила еще кусок хлеба, разрежала сэндвич напололам и поставила перед Иззи – предложением, не приказом. Иногда Мия делала так для Пёрл, когда у той случался, как выражалась Мия, “гнилой день”. Иззи, наблюдавшая молча, но с интересом, подтащила к себе тарелку. По ее опыту любезности ей оказывали из жалости или опаски, но этот простой жест, похоже, не имел второго дна: доброта по мелочи, без обязательств. Проглотив последнюю крошку, Иззи слизала масло с пальцев и посмотрела на Мию.

– Ну, рассказать, что было? – спросила она, и всплыла вся история.

* * *

Руководительницу оркестра миссис Питерс остро недолюбливали все. Была она высокая, болезненно тощая, волосы красила под ненатуральную солому и стригла под Дороти Хэмилл[25 - Дороти Хэмилл (р. 1956) – американская фигуристка, олимпийская чемпионка и чемпионка мира 1976 г.; стрижку, которую она носила в 1976 г., придумал стилист Юсуке Суга, и некоторое время она была очень модной.]. По словам Иззи, из миссис Питерс дирижер – как из слона балерина, и все знали, что следить надо за первой скрипкой Керри Шульман – темп задает она. Ходили упорные слухи – с годами закаменевшие фактом, – что миссис Питерс попивает. Иззи особо не верила, пока однажды утром миссис Питерс не одолжила у нее скрипку – показать, как двигать смычком, – а когда отдала назад, обильно смочив подбородник потом, от скрипки явственно несло виски. Если миссис Питерс принесла в класс большой походный термос кофе, говорили в школе, – значит, накануне вечером квасила. Вдобавок зачастую она желчно язвила, особенно в адрес вторых скрипок и особенно тех, кто – как сухо выразилась одна виолончелистка – “пигментно одарен”. Байки про миссис Питерс просачивались к Иззи еще в средних классах.

Казалось бы, Иззи, которая музицировала с четырех лет и стала второй скрипкой, хотя училась всего-то в девятом, бояться нечего.

– С тобой ничего не будет, – сказала виолончелистка, ощупывая глазами ее золотые кудри, – “афродуванчик”, называла эту прическу Лекси.

Если б Иззи не лезла на рожон, миссис Питерс, вероятно, на нее и не смотрела бы. Но Иззи лезла на рожон.

В то утро, когда Иззи отстранили, она сидела на стуле, отрабатывала сложную аппликатуру на первой струне в пьесе Сен-Санса, над которой трудилась на частных уроках. Гуд альтов и виолончелей затих: в класс ворвалась миссис Питерс с термосом наперевес. Мигом стало ясно, что настроение у нее рекордно поганое. Она рявкнула на Шаниту Граймз – велела выплюнуть жвачку. Она гавкнула на Джесси Лейбовиц, которая порвала струну “ля” и искала в футляре запасную.

– Похмелье, – беззвучно диагностировала Керри Шульман, и Иззи угрюмо кивнула. Что такое похмелье, она понимала лишь в общих чертах – несколько

раз наутро после вечеринки хоккеистов Трип тупил и пошатывался чересчур даже для Трипа, – но знала, что от похмелья болит голова и на всех рычишь. Кончиком смычка она постукала по ботинку.

Миссис Питерс за дирижерским пультом от души глотнула кофе из кружки.

– Оффенбах! – гаркнула она, воздев правую руку. Ученики зашуршали нотами.

На двенадцатом такте “Орфея” миссис Питерс замахала руками:

– Кто-то фальшивит. – Она смычком указала на Дейху Джонсон, сидевшую в последнем ряду вторых скрипок. – Дейха. С шестого такта.

Дейха, про которую все знали, что она отчаянно застенчива, глянула на миссис Питерс испуганным кроликом. Она заиграла, и легкий тремор дрожащей руки слышали все. Миссис Питерс потрясла головой и постукала смычком по пульту:

– Смычком не то. Вниз, вверх-вверх, вниз, вверх. Еще раз.

Дейха еще раз продралась сквозь фрагмент. Класс кипел негодованием, но никто не говорил ни слова.

Миссис Питерс опять надолго присосалась к кофейной кружке.

– Дейха, встань. Еще раз, медленно и со вкусом, – пусть все послушают, как не надо.

Уголки губ у Дейхи задрожали, будто она вот-вот заплачет, но она приложила смычок к струне и опять заиграла. Миссис Питерс снова потрясла головой и, перекивая одинокую скрипку, пронзительно завизжала:

– Дейха! Вниз, вверх-вверх, вниз, вверх. Я что, непонятно говорю? Мне на негритянский перейти?

Тут Иззи вскочила и цапнула ее смычок.

Даже пересказывая эту историю Мии, Иззи не знала, почему ей снесло крышу. Отчасти потому, что лицо у Дейхи Джонсон всегда тревожное, словно она ожидает худшего. Все знали, что мать у нее медсестра, работает с матерью Сирины Вон в Кливлендской клинике, а отец – складской менеджер в Уэст-Сайде. Но в оркестре было мало чернокожих, и родители Дейхи, приходя на концерты, садились в последний ряд, особняком; они никогда не болтали с другими родителями про лыжи, или ремонт, или планы на весенние каникулы. Всю Дейхину жизнь они прожили в уютном домике на южной окраине Шейкер-Хайтс, и Дейха дотянула от детского сада до старших классов, произнося – как шутили в школе – каких-то десять слов в год.

Но, в отличие от многих других скрипачей – которые дулись на Иззи за то, что получила вторую скрипку в первый же год, – Дейха никогда не язвила и не обзывала Иззи “малолеткой”. В первую неделю, когда они выходили после репетиции, Дейха застегнула молнию на кармане сумки Иззи, откуда торчала физкультурная форма. Спустя несколько недель Иззи рылась в сумке, отчаянно ища тампон, и тут Дейха незаметно наклонилась через проход и протянула зажатый кулак.

– Возьми, – сказала она, и Иззи поняла, что там, еще прежде, чем на ладони зашуршала пластиковая обертка.

Смотреть, как миссис Питерс на глазах у всех придирается к Дейхе, все равно что наблюдать, как котенка выволокли на улицу и забивают кирпичом; Иззи сорвалась. Сама не заметила, как разломила смычок миссис Питерс об колено и швырнула в нее обломками. Миссис Питерс вякнула – занозистые половины смычка, еще держась на конском волосе, хлестнули ее по лицу – и истошно завопила: дымящийся кофе из кружки плеснул ей на грудь. Репетиционный класс загомонил – все засмеялись, закричали, заулюлюкали, – а миссис Питерс, капая кофе с жилистой шеи, за локоть выволокла Иззи за дверь. У директора, дожидаясь приезда матери, Иззи гадала, обрадовалась Дейха или смутилась, и жалела, что не видела, какое у Дейхи было лицо.

Иззи уже уверилась, что Мия поймет, но не знала, как объясниться словами. Сказала только:

– Миссис Питерс – первостатейная стерва. Нельзя так с Дейхой разговаривать.

– Ну? – спросила Мия. – И что ты будешь делать? Такой вопрос Иззи еще никогда не задавали.

До сего дня жизнь ее наполнилась безгласной и бесплодной яростью. В первую неделю девятого класса, прочитав Т. С. Элиота, Иззи на все доски объявлений прикрепила цитаты: “Я ЖИЗНЬ СВОЮ ПО ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ ОТМЕРЯЮ”, и “СКУШАЮ ЛИ ГРУШУ?”, и “РАЗВЕ Я ПОСМЕЮ ПОТРЕВОЖИТЬ МИРОЗДАНИЕ?”[26 - Цитаты из первого опубликованного стихотворения англо-американского поэта Томаса Стёрнса Элиота (1888–1965) “Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока” (The Love Song of J. Alfred Prufrock, 1915); пер. А. Сергеева.]. На этом стихотворении она думала о матери – как мать отмеряет сухие сливки чайной ложкой, орет про пестициды, если Иззи вгрызается в немытое яблоко, жестко ограничивает каждый шаг – и о старших детях тоже думала, о Лекси, Трипе, обо всех им подобных, то есть, похоже, обо всех. Им бы только носить, что положено, говорить, что положено, дружить, с кем положено. Иззи фантазировала, как однокашники перешептываются в коридорах: “Эти объявления, да? Их кто повесил? Это что значит?” – замечают их, думают о них, просыпаются, черт бы всех взял. Но в суматохе перед первым уроком школьники носились вверх-вниз по лестницам, были слишком заняты – обменивались записками, зубрили напоследок перед тестами, – и на доски объявлений никто не взглянул, а после второго урока выяснилось, что какой-то строгий охранник содрал послания – в недоумении, надо полагать, – и оставил только флаеры “Молодежи против мирового голода”, “Модели ООН” и Французского клуба. На вторую неделю, когда мисс Беллами задала выучить стих и прочесть перед классом, Иззи выбрала “И еще одну заповедь...”, сочтя, что стих этот – по опыту ее четырнадцати с половиной лет – подытоживает жизнь очень точно. Добралась она лишь до “Родители засрут мозги...”[27 - “И еще одна заповедь” (This Be The Verse, 1971) – стихотворение английского поэта и писателя Филипа Артура Ларкина (1922–1985); пер. А. Нестерова. Иззи успела продекламировать только первую строку.] – затем мисс Беллами безапелляционно погнала ее на место и поставила ноль.

И что тут будешь делать? Тут можно что-то сделать? Сама эта мысль ошеломляла.

По дорожке к дому подкатила машина сестры, и в кухню вошла Лекси с сумкой на плече, благоухая сигаретами и духами “КК Уан”.

– Слава богу, вот он, – сказала она, схватив со столешницы кошелек. Лекси, как нередко отмечала миссис Ричардсон, забывала бы дома голову, если б голова не была пришита. – Ну как, весело тебе на каникулах? – спросила она у Иззи, и Мия увидела, как у той погас взгляд.

– Спасибо за сэндвич, – сказала Иззи, сползла с табурета и удалилась наверх.

– Господи, – закатила глаза Лекси. – Я никогда ее не пойму.

Она посмотрела на Мию, ожидая сочувственного кивка, но ничего такого не дождалась.

– Езжай осторожно, – только и сказала Мия, и Лекси ускакала с кошельком в руке, и спустя миг снаружи взревел “эксплорер”.

У Иззи была душа радикала, но опыт четырнадцатилетки из пригорода на Среднем Западе. Посему она прикинула, как лучше отомстить – яйца в окна или горящие пакеты с собачьим говном, – и выбрала что получше из скудного репертуара.

Три дня спустя Пёрл и Сплин в гостиной смотрели “Рики Лейк”[61 - Рики Пэмела Лейк (р. 1968) – американская актриса, ведущая светского ток-шоу “Рики Лейк” (Ricki Lake, 1993–2004).], а Иззи невозмутимо прошествовала по коридору – под мышками две упаковки по шесть рулонов туалетной бумаги. Оба миглом переглянулись и, не сговариваясь, ринулись за Иззи следом.

– Да ты совсем с дуба рухнула, – сказал Сплин, когда они перехватили Иззи в прихожей и успешно загнали в кухню. За многие годы Сплин не раз спасал Иззи от ее собственной глупости – так он сам это понимал, – но сейчас решил, что Иззи идет на рекорд. – Забрасывать ее дом туалетной бумагой?

– Бумагу хрен уберешь, – пояснила Иззи. – Она взбесится. И так ей и надо.

– И догадается, что это ты. Она же тебя только что отстранила. – Сплин пинком отправил туалетную бумагу под стол. – Если не поймает за работой. Скорее всего поймает.

Иззи набычилась:

– А ты что предлагаешь?

– Одной миссис Питерс будет мало, – сказала Мия. Трое детей вылупились в изумлении. Про Мию они позабыли, однако вот она, Мия, – режет перец к ужину и говорит так, как родители не говорят никогда. Пёрл вспыхнула и прожгла мать взглядом. О чем она думала? Встревать, да еще в такую беседу? Думала-то Мия про свою юность – эти воспоминания она убрала на хранение давным-давно, а сейчас достала и отряхнула.

– У меня когда-то знакомый заклеил замок в кабинете истории, – продолжала Мия. – Он опоздал, учительница оставила его после уроков, а у него был важный футбольный матч, и он все пропустил. Утром залил ей в замок целый тюбик клея. Пришлось выламывать дверь. – Губы ее изогнула отрешенная улыбка. – Но он заклеил дверь только ей, и его сразу вычислили. Наказали на месяц.

– Mam. – Лицо у Пёрл горело. – Спасибо. Мы разберемся.

И она поспешно вытолкала Иззи и Сплина с кухни, чтоб Мие не было слышно. Теперь они решат, что мать совсем чокнутая. Пёрл не смела взглянуть им в лицо. Но если бы взглянула, увидела бы не насмешку, а восхищение. По блеску в глазах Мии оба поняли, что она гораздо толковее – и гораздо интереснее, – чем они думали. В этот миг (сообразят они позднее) оба впервые заподозрили, что Мия не так проста.

Весь вечер Иззи обмозговывала историю Мии, ее вопрос: Что ты будешь делать? В нем Иззи услышала разрешение поступить так, как ей всю жизнь поступать не велели: взять дело в свои руки, натворить безобразий. Гнев разрастался и уже целил не только в миссис Питерс, но и в директора, который ее нанял, и в завуча, которая подписала отстранение от занятий, и во всех учителей – во всех взрослых, – что обрушивали на школьников незаслуженную деспотическую власть. Назавтра Иззи приперла Сплина и Пёрл к стенке и изложила свой план.

– Она взбесится, – сказала Иззи. – Все взбесятся.

– Ты спалишься, – возразил Сплин, но Иззи покачала головой.

– Я уже все решила, – сказала она. – Я спалюсь, только если вы не поможете.

* * *

Зубочистка, если ее воткнуть в стандартную замочную скважину и сломать заподлицо, – отличная штука. Замок цел, но ключ не войдет, и дверь не откроется. Зубочистку не так просто достать без тонконосого пинцета, а он редко бывает под рукой, и его еще поди найди. Чем больше досадует обладатель ключа, чем сильнее и настойчивее сует ключ в скважину, тем упрямее зубочистка застревает в нутре замка и тем дольше ее оттуда выковыривать, даже и подходящим инструментом. Умеренно ловкий подросток, если пошевелиться, может вставить зубочистку в замок, отломать кончик и уйти примерно за три секунды. То есть трое подростков, работая слаженно, способны обездвижить все старшие классы, все сто двадцать шесть дверей, менее чем за десять минут – никто ничего не успеет заметить, – а потом устроиться в коридоре и посмотреть, что будет.

Когда первый учитель обнаружил, что замок заклинило, на часах было 7:27. К 7:40, когда большинство учителей разошлись по классам и уткнулись носами в запертые двери, смотритель мистер Ригли кончиком перочинного ножа добывал первую щепку из замка химлаборатории наверху в естественно-научном крыле. К 7:45 мистер Ригли, направившись к себе в кабинет за ящиком с инструментами и пинцетом в этом ящике, узрел громадную толпу учителей – все сгрудилось у него под дверью и орало про заклинившие замки. В сумятице кто-то выбил из-под двери упор, дверь захлопнулась, и мистер Ригли наконец обнаружил зубочистку, которую Иззи лично вставила ему в скважину давным-давно, пока он ходил за кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Оркестр американского дирижера Мейера Дэвиса (1895–1976) – американская франшиза популярных танцевальных оркестров, выступавших по всей стране на более или менее официальных и семейных мероприятиях, в крупных отелях и т. д. – Здесь и далее примеч. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.

2

“Огненные шары” (Great Balls of Fire, 1957) – песня Отиса Блэкуэлла и Джека Хэммера, впервые записанная Джерри Ли Льюисом в 1957 г., классическая рок-н-ролльная композиция. “Эй, Джуд” (Hey Jude, 1968) – баллада The Beatles, написанная Полом Маккартни (формально – Джоном Ленноном и Полом Маккартни).

3

“Простые дары” (Simple Gifts, 1848) – религиозный гимн, написанный старейшиной шейкеров Джозефом Брэкеттом.

4

Нидерландский художник и скульптор Виллем де Кунинг (1904–1997) и его жена, американская художница и арт-критик Элен де Кунинг (Элен Мария Фрид, 1918–1989) – ключевые фигуры абстрактного экспрессионизма второй половины XX в., представители нью-йоркской школы. Энди Уорхол (Эндрю Уорхола, 1928–1987) – американский художник, антрепренер, кинематографист,

продюсер, издатель, ведущий представитель и один из идеологов движения поп-арта. Джорджия Тотто О'Кифф (1887–1986) – американская художница, “мать американского модернизма”.

5

“Кливлендские индейцы” (Cleveland Indians, с 1901) – кливлендская профессиональная бейсбольная команда Главной лиги.

6

“Кливлендские кавалеры” (Cleveland Cavaliers, с 1970) – кливлендская профессиональная баскетбольная команда Национальной баскетбольной лиги.

7

Миссис Кэрол Брейди – персонаж ситкома компании ABC “Семейка Брейди” (The Brady Bunch, 1969–1974), созданного американским телепродюсером Шервудом Шварцем, о семье, состоящей из отца с тремя сыновьями и матери с тремя дочерьми; миссис Брейди сыграла Флоренс Хендерсон. Миссис Элиз Китон – персонаж ситкома компании ABC “Семейные узы” (Family Ties, 1982–1989) американского телепродюсера Гэри Дэвида Голдберга, мать троих детей, бывшая хиппи; ее роль сыграла Мередит Бакстер.

8

Дженет Вуд Рино (1938–2016) – генеральный прокурор США (1993–2001) при президенте Билле Клинтоне, первая женщина, занимавшая этот пост.

9

“Гинденбург” – крупнейший на момент постройки (1936) дирижабль, загоревшийся и взорвавшийся при посадке 6 мая 1937 г. на авиабазе Лейкхёрст в Манчестер-Тауншип, штат Нью-Джерси, по прилете из Германии; катастрофа стала началом упадка и конца эры дирижаблей. Горящий “Гинденбург” изображен на обложке первого альбома Led Zeppelin.

10

Обман зрения (фр.), техника изображения псевдообъемных объектов.

11

Сэр Микс-а-Лот (Sir Mix-a-Lot, Энтони Рэй, р. 1963) – американский рэпер и музыкальный продюсер. “Смэшинг Пампкинз” (The Smashing Pumpkins, с 1988) – американская альтернативная рок-группа из Чикаго. “Спайс Гёрлз” (Spice Girls, 1994–2000) – английская девичья поп-группа, невероятно популярная по всему миру во второй половине 1990-х.

12

Килрой – персонаж граффити, популярного в 1940–50-х гг. в англоязычных странах, выглядывающий из-за стены носатый и лысый человек.

13

Маргарет Мид (1901–1978) – американский антрополог, этнопсихолог, изучала отношения между различными возрастными группами в традиционных обществах.

14

Эдуар-Виктуар-Антуан Лало (1823–1892) – французский композитор; его “Испанская симфония ре-минор” (Symphonie espagnole, 1874) входит в стандартный репертуар для скрипки с оркестром.

15

“Дилия” (Delia's Inc., с 1994) – американская компания, по каталогам (а затем через интернет) продающая одежду и аксессуары для девочек – детей и подростков.

16

“Ти-Эл-Си” (TLC, 1990–2005) – американская девичья R&B-группа.

17

Клифф и Клэр Хакстебл – персонажи ситкома компании NBC “Шоу Косби” (The Cosby Show, 1984–1992), созданного американским комиком Биллом Косби, врач и адвокат соответственно, сыгранные Биллом Косби и Филишей Рашад.

18

“Элоиза” (Eloise, 1955–1959, 2002) – серия детских книг американской писательницы и музыканта Кей Томпсон с иллюстрациями Хилари Найт про девочку, которая живет в “Плаза-отеле” в Нью-Йорке с няней, собакой и черепахой; по одной из версий, персонаж был вдохновлен Лайзой Миннелли.

19

Обязателен (фр.).

20

В пародийной кинотрилогии Джея Роуча про супершпиона Остина Пауэрса (1997, 1999, 2002) с Майком Майерсом в нескольких ролях фемботы – гиперсексуальные роботы, разработанные как оружие против главного героя, блондинки с дулами пистолетов, торчащими из сосков.

21

Пафф Дэдди (Puff Daddy, Шон Джон Комз, р. 1969) – американский рэпер, актер и продюсер. Мейс (Mase, Мейсон Дрелл Бета, р. 1975) – американский рэпер, автор песен, затем священник и проповедник; в 1996–1999 гг. записывался на студии

Комза Bad Boy Records.

22

Бигги (The Notorious B. I. G., Кристофер Джордж Латор Уоллес, 1972–1997) – американский рэпер, одна из крупнейших звезд жанра.

23

“Бойз ту Мен” (Boyz II Men, с 1985) – американская вокальная R&B-группа.

24

Диего Ривера (1886–1957) – мексиканский художник-муралист левого толка; в 1934 г. из-за фрески “Человек на перепутье” (Man at the Crossroads), заказанной Ривере для Рокфеллер-центра, разразился скандал, поскольку на ней он изобразил Ленина и парад на Первое мая.

25

Дороти Хэмилл (р. 1956) – американская фигуристка, олимпийская чемпионка и чемпионка мира 1976 г.; стрижку, которую она носила в 1976 г., придумал стилист Юсуке Суга, и некоторое время она была очень модной.

26

Цитаты из первого опубликованного стихотворения англо-американского поэта Томаса Стёрнса Элиота (1888–1965) “Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока” (The Love Song of J. Alfred Prufrock, 1915); пер. А. Сергеева.

27

“И еще одна заповедь” (This Be The Verse, 1971) – стихотворение английского поэта и писателя Филипа Артура Ларкина (1922–1985); пер. А. Нестерова. Иззи успела продекламировать только первую строку.

61

Рики Пэмела Лейк (р. 1968) – американская актриса, ведущая светского ток-шоу “Рики Лейк” (Ricki Lake, 1993–2004).

Купить: https://telnovel.com/ing_selesta/i-povsyudu-tleyut-pozhary

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)